
Злодейкой быть выгодно
Ника Веларина

Ника Веларина
Злодейкой быть выгодно

https://litres.ru/74699968
SelfPub; 2026

Аннотация

Я попала в книгу и заняла тело злодейки. Вместе с титулом мне достались состояние, роскошный дом и помолвка с принцем. Ещё — репутация Паучихи и весьма неприятный финал. Его я собираюсь переписать.

Для начала избавлюсь от жениха. Правда, принц так привязан к моим деньгам, что расставание обещает быть трогательным. Особенно для кошелька.

Пока мы выясняем, сколько стоит моя свобода, я открою музыкальные вечера в зимнем саду. Управлять театром в прошлой жизни умела — как-нибудь справлюсь и с аристократами, которые пришли посмотреть, кого Паучиха съест первым.

Репутацию, пожалуй, оставлю. С ней удобнее выставлять наглых гостей.

А вот Риана Мореля лучше держать подальше. В книге именно он меня убьёт. Только почему рядом с ним всё чаще хочется думать совсем о другом?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	40
Глава 4	55
Глава 5	66
Глава 6	79
Глава 7	97
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Ника Веларина
Злодейкой быть выгодно

Глава 1

Просыпаться в чужом теле неудобно главным образом потому, что чужие легкие понятия не имеют, сколько воздуха тебе обычно требуется для первой связной мысли.

Воздуха не хватало катастрофически. Он пах сушеной лавандой, камфорой и застоявшейся пылью тяжелых портьер. В горле словно провернули пригоршню мелкого гравия, а в затылок с методичностью отбойного молотка стучала тупая, пульсирующая боль. Я попыталась сглотнуть, обнаружила, что язык намертво присох к нёбу, и сдавленно закашлялась.

Над головой тотчас зашелестело, заскрипело и засуетилось.

— Очнулась… Господи помилуй, лекарь, она дышит!

— Отойдите от постели, Нелла, не застите свет. Подайте настойку. Живее!

Голоса звучали гулко, словно через слой мокрого войлока, но говорили прямо надо мной. Кто-то суетливо перебирал склянки, металл звякал о стекло, а прохладные сухие пальцы уже бесцеремонно вцепились мне в запястье, выискивая

пульс. Я с трудом разлепила отяжелевшие веки.

Свет резанул по глазам даже сквозь полумрак. Первое, что удалось разобрать, — высокий балдахин из темного бархата с золочеными кистями, покачивавшимися прямо над моим носом. В театре мы списывали подобный реквизит лет десять назад за полнейшей архаичностью и неистребимой способностью собирать клещей, но этот балдахин выглядел пугающе добротным. Чуть ниже нависало худощавое лицо пожилого мужчины в глухом сером сюртуке. Мужчина хмурился, шевелил седыми бровями и явно не собирался отпускать мою руку. За его плечом маячила круглолицая девушка в чепце, прижимавшая к груди серебряный поднос так, словно надеялась закрыться им от выстрела.

— Воды… — прохрипела я. Звук вышел жалким, скрипучим и совершенно незнакомым.

— Слава создателю, речь восстанавливается, — деловито констатировал пожилой, не делая ни малейшей попытки эту самую воду предложить. — Сердечный ритм выравнивается, хотя толчок все еще глухой. Нелла, приготовьте капли господина Вальтера. Тридцать капель на полстакана отвара мяты.

— Подождите, — с усилием выдавила я, пытаясь высвободить руку. Тело слушалось с омерзительным опозданием, как набитый сырой ватой манекен. — Пить…

— Сию минуту, госпожа графиня, сию минуту, — запричитала девушка, метнувшись к столику, но лекарь властно поднял свободную руку.

— Рано. Сначала сердечные капли. Спазм миновал, однако сосуды перегружены. Госпожа графиня, вам необходимо выпить успокоительное, а затем мы снимем остаточный жар с висков. Будет легкое покалывание…

Он продолжал говорить — ровно, наставительно, с тем непробиваемым профессиональным апломбом, от которого у любого уставшего администратора мгновенно вскипает кровь. В моем театре такой тон позволял себе разве что главный художник по свету, когда в день премьеры намертво клинило центральный диммер, но даже он замолкал, если я смотрела на него дольше трех секунд.

Сейчас смотреть дольше трех секунд не получалось: голова раскалывалась, пить хотелось так, что сводило челюсти, а чужие люди обсуждали мое состояние над моим же носом, словно я была сломанным стулом в репетиционном зале.

— Оставьте меня в покое, — отчетливо произнесла я.

Лекарь даже не сбился.

— Госпожа графиня, при всем уважении, после подобного криза вы не можете объективно оценивать…

Терпение, и без того тонкое после тридцати часов на ногах перед открытием сезона, лопнуло с сухим треском. Я вдохнула полную грудь лавандовой духоты, вложила в голос весь свой директорский навык разгона монтировщиков на перекуре и припечатала:

— Пошли вон. Все.

И добавила, глядя прямо в выцветшие глаза эскулапа:

— Воды оставьте. И закройте за собой дверь.

Эффект превзошел любые ожидания.

Лекарь захлопнул рот на полуслове, отдернул пальцы от моего запястья так стремительно, словно полог вспыхнул, и побелел до кончиков ушей. Горничная издала короткий всхлип, выронила серебряную ложечку, которая с чистым звоном покатилась по паркету, и попятилась к выходу, мелко и испуганно кланяясь каждому углу комнаты.

— Простите великодушно, госпожа графиня… — пробормотал мужчина, пятясь следом за ней и на ходу сгребая свои склянки в кожаный саквояж. — Мы… мы не смеем утомлять вас. Графин с водой у изголовья. Доза магического успокоительного оказалась чрезмерной, сердце ненадолго остановилось. Мне удалось восстановить его работу, но вам необходим покой. Я… я осмелюсь наведаться ближе к закату? Если позволите? Чтобы проверить, как подействовал сердечный отвар?

— Ближе к закату, — согласилась я, ошарашенная этой мгновенной паникой ничуть не меньше, чем собственным хриплым рыком.

Дверь захлопнулась с благоговейной бесшумностью. Щелкнул массивный замок. В огромной комнате повисла глухая, звенящая тишина.

Я полежала несколько секунд, глядя на колыхание золоченых кистей, затем медленно повернула голову. На полированном столике из темного дерева действительно стоял

граненый хрустальный графин и широкий бокал на толстой ножке. Дотянуться стоило титанических усилий: мышцы налились чугуном, шелк непривычно просторной ночной сорочки запутался в ногах, а в груди при малейшем рывке возникала противная, сосущая пустота. Кое-как перевалившись на правый бок, я нащупала графин, сбила тяжелую притертую пробку и налила воду прямо через край, расплескав добрую половину на столешницу.

Вода была холодной, с легким привкусом железа и лимонной цедры. Я пила жадными, судорожными глотками, чувствуя, как ледяная струя прокатывается по пищеводу, и только осушив бокал до капли, смогла наконец выдохнуть.

Ладно. Первичные рефлексы работают. Жажда утолена.

Оставалось выяснить пустяк: где я нахожусь, почему комната выглядит декорацией к исторической драме с бюджетом приличного государственного театра и отчего двое взрослых людей вылетели отсюда с такой скоростью, будто я пообещала сварить их в кипятке.

Приступ, сказал лекарь. Краткая остановка сердца, ошибочная доза средства. Он не выглядел заговорщиком, подсыпавшим яд, — он выглядел добросовестным провинциальным доктором, который едва не уморил дорогую пациентку и теперь всерьез опасался за целостность собственной шеи.

Я откинулась на высокие пуховые подушки и закрыла глаза. Сердце в груди действительно билось неровно: два быстрых, испуганных удара, длинная пауза, затем тяжелый, гул-

кий толчок. Совсем не так, как стучал мой собственный привычный мотор после трех чашек эспрессо и ночного монтажа декораций.

Впрочем, моим здесь вообще ничего не казалось.

К полудню я заставила себя сесть.

Спина слушалась неохотно, тонкая ткань сорочки приятно холодила ключицы, но стоило спустить босые ноги на ковер, как мир качнулся и поплыл перед глазами. Ковер был густым, плотным, цвета темного бордо, с вытканным золотистым плющом по краю. Оперевшись ладонью о резную стойку кровати, я переждала приступ тошноты и сделала первый шаг.

Тело было заметно легче моего прежнего. Тоньше в талии, чуть уже в плечах, с непривычно длинными узкими пальцами, на которых не обнаружилось ни мозоли от вечной гелевой ручки, ни следа от ожога клеевым пистолетом, заработанного на прошлых гастролях. Ногти были подстрижены безупречно, полированы до стеклянного блеска и совершенно чисты. Руки женщины, которая никогда в жизни не перетаскивала пачки с буклетами и не вскрывала на морозе картонные коробки с реквизитом.

У противоположной стены высился массивный туалетный столик с трехстворчатым зеркалом в тяжелой серебряной раме.

Я подошла к нему, держась за спинки расставленных по

пути кресел, и замерла.

Из глубины темноватого, чуть мутного стекла на меня смотрела незнакомка. Лет двадцати пяти, с правильным, холодным овалом лица, высокими скулами и темными, почти черными волосами, разметавшимися по плечам крупными тяжелыми волнами. Кожа казалась бледной до синевы, под глазами залегли серые тени, но даже эта болезненная изможденность не портила породистой, чуть хищной лепки черт. Тонкий прямой нос, четко очерченный капризный рот с опущенными уголками и глаза — темные, цвета крепко заваренного чая, с резким разрезом и цепким взглядом.

Красивая. Дорогой, высокомерной и опасной красотой, от которой на светских раутах обычно держатся на почтительном расстоянии.

Моему собственному лицу, круглому, курносому и привыкшему добродушно улыбаться билетным контролерам, здесь не принадлежало ни единой черточки.

— Замечательно, — негромко произнесла я в тишину спальни. Чужой голос звучал глубже, ниже и отчетливо вибрировал на согласных. — Просто великолепно.

На столике, среди хрустальных флаконов с притертыми пробками и серебряных пудрениц, стояла прямоугольная шкатулка из темно-зеленого малахита. Рядом лежала стопка плотных картонных карточек с золотым обрезом. Я протянула руку и взяла верхнюю.

Тисненый герб во главе листа изображал переплетенные

ветви вяза под трехлучевой короной. Ниже шел мелкий, каллиграфический шрифт:

«Ее сиятельству графине Эвелин Вальтер. Его Королевское Высочество наследный принц Адриан имеет честь уведомить о своем визите в четверг, пополудни, для осведомления о драгоценном здравии невесты…»

Бумага выпала из моих пальцев и спланировала на ковер.

Эвелин. Вальтер. Графиня в собственном праве.

Принц Адриан.

Паучиха.

В висках заломило с новой силой, но теперь это была не боль от лекарства. Это поднималась со дна памяти холодная, липкая волна узнавания.

Книга. Дурацкий толстый роман в мягкой глянцевой обложке, купленный в вокзальном киоске перед долгой ночной поездкой на театральный фестиваль в Самару. На обложке красовалась темноволосая девица в кринолине, за спиной которой клубились черные тени, а на заднем плане сиял шпилями сказочный замок. Называлось это чтиво «Сердце исцелит надежда», и я проглотила его за четыре часа от скуки, периодически фыркая над наивностью сюжетных ходов.

Главные события помнились до обидного ясно. Мелкие подробности, придворные порядки и объяснения магии я при чтении благополучно пропускала.

Главная героиня, скромная и самоотверженная целительница Мира, приезжала из провинции в столицу, чтобы вы-

бить субсидию для своей благотворительной лечебницы. На первом же балу она случайно спасала потерявшего сознание знатного гостя, привлекала внимание блестящего наследного принца Адриана и немедленно наживала себе смертельного врага в лице его официальной невесты.

Графини Эвелин Вальтер.

Книжная Эвелин была классической злодейкой романтического фэнтези: сказочно богатой, наделенной редким и мрачным родовым даром магических клятв, за который при дворе ее шепотом величали Паучихой. Она плела интриги, шантажировала должников, унижала чистую душой целительницу и до безумия цеплялась за свой будущий королевский титул. Закончилось все предсказуемо и скверно: когда принц окончательно охладел к невесте, а на большом приеме произошла давка с пострадавшими, в которой обвинили ревнивую графиню, обиженная Эвелин связалась с политическим заговором. Конрад направил её к противникам наследника, и Эвелин сама выбрала заговор: дала деньги на подготовку и открыла для тайных встреч один из своих домов. Переговоры от её имени вёл дядя. При провале переворота она напала на командира королевского охранного полка, мрачного барона Риана Мореля, и тот убил ее шпагой прямо на парадной лестнице.

Финал, занавес, свадьба принца и целительницы, лечебница получает щедрое финансирование.

Я медленно опустилась в кресло перед зеркалом и посмот-

рела на свои тонкие бледные руки.

Итак. Меня зовут Вера, мне двадцать девять лет, я шесть лет руководила театром с хроническим дефицитом бюджета и тридцатью пятью неуправляемыми актерами. И сейчас я сижу в теле двадцатипятилетней аристократки, у которой есть огромное состояние, опасный магический дар, жених-принц, который ее не любит, и перспектива получить полметра кованой стали под ребра в конце марта, если я повторю поступки прежней хозяйки.

— Чудесно, — шепнула я своему отражению. — Просто праздник какой-то.

В дверь осторожно, едва слышно поскреблись.

— Войдите, — отозвалась я, торопливо расправляя сорочку на коленях.

На пороге возникла утренняя горничная. На этот раз подноса у нее в руках не было, руки она чинно сложила на белоснежном переднике, но глаза держала опущенными долу, словно разглядывала шляпки гвоздей в паркете.

— Госпожа графиня… Осмелюсь доложить, лекарь ожидает внизу. И… господин Бреннер осведомлялся, будете ли вы сегодня принимать отчеты по городским доходным домам. Я сказала, что вы нездоровы, но он просил передать, что бумаги от нотариуса его высочества требуют подписи до исхода недели.

— Как тебя зовут? — сорвалось у меня раньше, чем я успела взвесить вопрос.

Девушка вздрогнула и вскинула на меня испуганный взгляд.

— Нелла, госпожа графиня… Нелла я. Пятый год у вас служу…

— Знаю. — Я быстро прижала ладонь к виску, изображая очередную вспышку дурноты. — Голова гудит так, словно по ней колотили молотом. Мысли путаются, имена выскакивают из памяти. Лекарь говорил, это пройдет?

— Говорил, госпожа, — облегченно закивала Нелла, явно обрадованная тем, что на нее не собираются кричать. — Сказал, кровь к голове прилила после сердечной остановки, три дня покой нужен. Никаких бумаг, никаких волнений. И его высочеству… его высочеству весточку послать, чтоб сегодня не беспокоил?

Я взглянула на упавшую карточку с золотым обрезом.

Принц Адриан. Жених, из-за которого вся эта прелестная конструкция в романе полетела под откос. Видеть его прямо сейчас, когда я не помню даже гербов на собственной посуде и едва держусь на ногах, было бы чистым безумием.

— Пошли весточку, — кивнула я. — Напиши, что графиня чрезвычайно признательна за заботу, но сегодня не в силах покинуть постель. Визит переносится. На… пятницу. Нет, на субботу.

— На субботу, — послушно повторила горничная, и в ее голосе промелькнуло искреннее изумление. Похоже, прежняя хозяйка перенесла бы визит царственного жениха разве

что вперед ногами, да и то попыталась бы восстать из гроба ради примерки парадного платья. — А господину Бреннеру что сказать?

— Бреннеру… — я помедлила, вспоминая перечень действующих лиц. Управляющий. По крайней мере, Нелла говорила о нем как о человеке, ведающем счетами. — Скажи Бреннеру, чтобы подготовил брачное соглашение. Мой экземпляр. И принес мне завтра к утру в кабинет.

— Брачное соглашение? — Нелла моргнула, окончательно сбитая с толку.

— Именно. И принеси мне поесть, Нелла. Нормальной горячей еды, а не ромашкового отвара. Бульон, курицу, хлеб. И чай.

Девушка присела в глубоком поклоне и выскользнула за дверь, на сей раз без панического бегства, но с явным намерением немедленно обсудить странности хозяйки со всем кухонным штатом.

Я осталась одна. В зеркале напротив отражалась графиня Вальтер — живая, целая, с бьющимся сердцем и совершенно пустой головой в том, что касалось управления магической паутиной.

Но главное я помнила. В романе никто не заставлял Эвелин лезть на рожон: она сама унижала Миру, сама цеплялась за принца, сама требовала покорности от напуганных должников и сама пошла на сделку с заговорщиками, когда помолвка затрещала по швам.

Следовательно, план предельно прост.

Выздороветь. Разобраться с договором. Отвязаться от жениха до того, как на горизонте появится святая целительница. И ни при каких обстоятельствах не попадаться на глаза барону Морелю с обнаженным клинком.

Если для спасения собственной шкуры потребуется прослыть сумасбродкой, расторгнувшей самую блестящую помолвку королевства, — что ж, дурная слава у меня уже есть. Грех ею не воспользоваться.

К вечеру следующего дня меня перевели в малую личную гостиную.

Здесь было уютнее, чем в монументальной спальне: в круглом камине весело потрескивали сухие березовые поленья, перед огнем стояло глубокое кресло с высокой спинкой, обитое мягким зеленым бархатом, а на низком столике дымился кофе в фарфоровом кофейнике; рядом стояла тарелка с крошечными миндальными пирожными.

Определенно, у жизни богатой наследницы имелись свои несомненные плюсы. По крайней мере, мне не нужно было думать о том, чем платить за отопление трехсотметрового зала и где достать сто сорок метров огнеупорного тюля по безналичному расчету.

Я сидела в кресле, подобрав под себя ноги в теплых шерстяных чулках, и держала на коленях тяжелую кожаную папку с чистыми листами плотной гербовой бумаги. Рядом ле-

жало изящное костяное перо и флакон с густыми чернилами.

Прежде чем взяться за перо, я по привычке потянулась правой рукой к краю столика — нащупать гладкий прохладный корпус смартфона. Пальцы сомкнулись на воздухе, скользнули в сторону и с глухим металлическим звяканьем опрокинули тяжелый серебряный колокольчик с резной ручкой в виде паука.

Колокольчик покатился по полированному дереву, жалобно тренькая на каждом обороте.

Я поймала его ладонью и замерла, глядя на серебряное брюшко паучка.

Смартфона не было. Не было плоского черного прямоугольника, экрана с трещиной в правом верхнем углу, списка непринятых вызовов от звукорежиссера и — главное — не было контакта «Мама».

Горло перехватило так внезапно и больно, что я едва не выронила колокольчик снова.

Вчера, в горячечном бреду и страхе за собственную шею, я думала только о выживании. О сюжете книги, о принце, о лекаре с каплями. А сейчас, в тишине теплой богатой комнаты, на меня навалилась простая, сокрушительная реальность: вчера был четверг. По четвергам, в девять вечера, когда в театре заканчивался прогон, а мама возвращалась со своей вечерней смены в библиотеке, я всегда звонила ей. Мы говорили минут по двадцать обо всем подряд: о ее муже дяде Грише и его вечной возне с карбюратором старой «Ни-

вы», о моих вздорных примах, о погоде, о том, что надо наконец купить нормальные зимние ботинки на нескользящей подошве.

Последнее, что я помнила из своего мира, — мокрый ноябрьский асфальт у служебного входа, свет фар проезжающей мимо машины, резкий порыв ветра со снегом и мысль: «Доберусь до дома, сварю пельменей и наберу маму».

До дома я не добралась.

Умерла ли я там? Сбила ли меня та самая машина? Или мое тело лежит в реанимации на аппарате искусственного дыхания, а мама сидит в коридоре на жестком пластиковом стуле и плачет в серый шерстяной платок?

Ответа не было. И спросить было не у кого.

Дверь приоткрылась, и на пороге показалась Нелла в парусиновом фартуке, с вязанкой свежих поленьев в руках.

— Госпожа графиня? Вы звонили?

Я торопливо смахнула предательскую влагу с ресниц и убрала колокольчик на край стола.

— Нет, случайно задела. Нелла… скажи, если мне понадобится отправить письмо… очень далеко. В другой город. Сколько времени идет почта?

Горничная аккуратно сложила дрова в медную корзину у камина, отряхнула ладони и с готовностью повернулась ко мне:

— Смотря куда, госпожа. Если по королевству — королевские курьеры за три дня до западных границ долетают, у

них на станциях свежие магические упряжки. А коли в вольные баронства или за перевал — так обычной почтовой каретой недели две, а по весенней распутице и вовсе месяц положить надо. Куда писать изволите? Я могу кликнуть мальчика из канцелярии, он мигом на почтовый двор сбегает.

— Никуда, — тихо отозвалась я, глядя в огонь. — Пока никуда. Я просто спросила.

— Ну и ладно, — легко согласилась Нелла, подбрасывая полено в топку. — Вы пока отдыхайте. Лекарь сказал, до понедельника вам с бумагами сидеть не след. А то господин Бреннер уже извелся весь внизу, каждый час спрашивает, когда вы его примете. Уж больно вид у него… кислый, прости господи. Будто на плаху собрался.

— Передай господину Бреннеру, что я приму его завтра в десять утра в кабинете отца, — распорядилась я, возвращая голосу прежнюю твердость. — И пусть принесет все книги расходов по главному дому за последние полгода.

— Слушаюсь, госпожа графиня.

Когда горничная ушла, я придвинула к себе лист бумаги, обмакнула перо в чернила и вывела на самом верху ровными, четкими буквами:

1. Я жива. Тело функционирует, сердце бьется. 2. Домой пути нет, по крайней мере сейчас. Паниковать бессмысленно, плакать некому. 3. Смерть в романе — следствие конкретных поступков Эвелин, а не неизбежный рок. Поступки можно не совершать.

Перо скрипнуло на третьем пункте, оставив жирную черную точку. Я помолчала, глядя на строчки, затем решительно дописала ниже:

Ближайшие задачи: — Завтра: вытрясти из Бреннера условия расторжения помолвки. Узнать цену свободы. — Отказать принцу Адриану так, чтобы у него не осталось иллюзий, но и повода объявить меня государственной изменницей тоже не возникло. — Найти способ разобраться с магическим даром. Нельзя владеть оружием, не зная, с какого конца оно стреляет. — Держаться как можно дальше от королевских гвардейцев и лично от барона Риана Мореля.

Я перечитала написанное, усмехнулась — горько, но уже без прежней безнадежности — и сунула лист в самый дальний карман папки.

Директор театра не может позволить себе роскошь лежать и страдать, когда сезон под угрозой срыва. А эта пьеса, судя по всему, обещала быть самой сложной премьерой в моей жизни.

Глава 2

Управляющий господин Бреннер вошел в кабинет с таким выражением лица, будто явился к следователю по особо важным делам и заранее смирился с неизбежностью каторги.

Это был сухощавый мужчина под пятьдесят в безукоризненно вычищенном темно-коричневом сюртуке. Прямой пробор делил его гладкие седеющие волосы с геометрической строгостью, а под мышкой он сжимал две толстые папки из свиной кожи с медными уголками. Поклонился он ровно на положенные тридцать градусов, задержался в наклоне на секунду дольше обычного и замер у притолоки, ожидая разрешения приблизиться.

— Доброе утро, господин Бреннер. Проходите, садитесь. — Я указала на глубокое кресло с высокой спинкой по ту сторону широкого письменного стола.

Управляющий едва заметно вздрогнул. Видимо, предложение присесть в присутствии хозяйки входило в перечень неслыханных прихотей, наряду с раздачей фамильных бриллиантов уличным бродягам.

— Благодарю вас, госпожа графиня, — сухо проронил он, аккуратно опустившись на самый краешек сиденья. Папки легли на полированное дерево без малейшего стука. — Надеюсь, вы чувствуете себя лучше. Распоряжение касательно

брачного соглашения и ведомостей выполнено в точности.

За широкими стрельчатыми окнами кабинета моросил унылый ноябрьский дождь. Капли лениво сползали по стеклу, за которым темнели голые, перепутанные ветви спящего сада. В чугунном камине ровно гудело пламя, но в комнате все равно тянуло сыростью: старый особняк остывал быстрее, чем слуги успевали подбрасывать дрова.

— Благодарю. — Я подвинула к себе верхнюю папку с гербовой печатью королевского дома. — Чувствую я себя сносно. Голова еще тяжелая, однако откладывать дела больше не намерена. Давайте сразу к сути, господин Бреннер. Объясните мне имущественные условия расторжения помолвки.

Бреннер застыл. Его пальцы, лежавшие на коленях, судорожно подобрались, а взгляд метнулся к моим глазам и тут же скользнул в сторону, к каминной полке.

— Простите, госпожа графиня? Расторжения?

— Именно. Меня интересует юридическая сторона вопроса. Если я решу прекратить эту помолвку, во что мне это обойдется?

Тишина в кабинете сгустилась до такой степени, что стало слышно, как на улице шуршат колеса редкого наемного экипажа. Управляющий перевел дыхание, медленно развязал тесемки второй папки и извлек лист плотного пергамента, исписанный мелким убористым почерком с множеством сургучных печатей по нижнему полю.

— Соглашение составлялось два года назад, сразу после

кончины вашего батюшки, графа Вальтера, — заговорил он ровным, подчеркнуто бесстрастным тоном, в котором сквозило предельное напряжение опытного бухгалтера при налоговой ревизии. — Ваш почтенный дядюшка, господин Конрад, принимал в его выработке деятельное участие по вашему поручению. Документ зарегистрирован в королевской канцелярии и скреплен большой государственной печатью.

— До вашего совершеннолетия господин Конрад занимался и вашим воспитанием, и текущими делами, когда граф надолго уезжал, — добавил Бреннер. — Батюшка поручал ему опеку на время своих отлучек. Позднее все полномочия дяди зависели уже от вашей воли.

— Это я уже поняла. Пункты о прекращении?

Бреннер провел сухим ногтем по строчкам:

— Статья седьмая, параграф третий. Брачный союз между родом Вальтер и правящим домом предусматривает выделение в обеспечение будущего союза поместья Ольховый Дол с прилегающими винодельнями и лесными угодьями. Доходы с этих земель на время помолвки поступают в ваше личное распоряжение. Дата венчания назначена на первую неделю июня.

— Так, — я кивнула, следя за его пальцем на пергаменте. — И что происходит с Ольховым Долом, если свадьбы не будет?

Управляющий поднял на меня тяжелый, выжидательный взгляд:

— Зависит от того, по чьей вине прекращается обязательство, госпожа графиня. Вариант первый: расторжение по взаимному согласию сторон. В таком случае помолвка аннулируется без взаимных претензий, выделенное владение остается в полной и неделимой собственности рода Вальтер.

— Прекрасно. А второй вариант?

— Односторонний отказ с вашей стороны при отсутствии доказанных нарушений со стороны его высочества. В этом прискорбном случае, — Бреннер сделал едва уловимую паузу, — поместье Ольховый Дол переходит в казну короны в качестве возмещения ущерба королевскому дому. Бесповоротно и навечно.

Я прикинула цифры, которые успела просмотреть накануне в сводной книге доходов.

Ольховый Дол приносил около четверти всех регулярных денежных поступлений Вальтеров. Чистыми, надежными лирами, которые шли на содержание столичного дома, жалованье прислуге, выезды и платья. Потеря болезненная, чувствительная, но городские доходные дома, отцовские вложения в торговые гильдии, этот особняк и Зимний сад оставались при мне. По миру я не пойду даже при худшем раскладе.

— А если от помолвки откажется принц? — поинтересовалась я.

— Симметричная ответственность короны, — в голосе Бреннера впервые промелькнуло подобие сухого професси-

онального удовлетворения. — Если принц Адриан заявит об отказе или заключит иной помолвочный союз до первой недели июня, Ольховый Дол остается за вами, а казна выплачивает роду Вальтер предусмотренное договором возмещение. Вы настояли на симметричной ответственности королевского дома, господин Конрад поддержал этот пункт.

Я откинулась на спинку кресла и потерла переносицу.

Картина прояснялась. Книжная Эвелин сама добилась этого договора, чтобы намертво привязать к себе Адриана. Ему нужны были ее деньги, короне — ее влияние и родовая магия. Разорвать соглашение в одностороннем порядке означало швырнуть королю под ноги четверть своего благосостояния. С другой стороны, если договориться по-хорошему, можно было разойтись с миром и с целым кошельком.

В романе Эвелин насмерть билась за право стать королевой. Я становиться королевой не собиралась ни за какие коврижки, тем более что в комплекте к короне прилагался смертный приговор на дворцовой лестнице.

— Господин Бреннер, — произнесла я, постукивая пальцами по краю папки. — Запишите мое распоряжение.

Управляющий немедленно вытащил из кармана дорожную записную книжку в твердом переплете и карандаш.

— Слушаю, госпожа графиня.

— Мы не будем подавать односторонний отказ прямо сейчас. Терять Ольховый Дол без серьезной попытки договориться я не намерена. Дадим переговорам месяц. До конца

декабря я попытаюсь добиться взаимного согласия принца на расторжение. Если его высочество проявит благоразумие, мы разойдемся мирно. Если же он упрется… — я сделала короткую паузу, глядя на пляшущие в камине языки пламени. — Что ж, тогда я воспользуюсь правом одностороннего выхода. Деньги — дело наживное, господин Бреннер. Собственная шея мне дороже.

Карандаш в руке управляющего замер. На его худом, привыкшем к светской осторожности лице отразилось такое неподдельное, детское изумление, что я едва удержалась от улыбки.

— Госпожа графиня… вы действительно готовы уступить короне Ольховый Дол ради расторжения союза?

— Ради собственной спокойной жизни я готова уступить и большее, — отозвалась я, поднимаясь из-за стола. Спина отозвалась глухой тянущей болью, но я удержала осанку. — Подготовьте подробную выписку по доходам поместья за последние три года. И пришлите ко мне Неллу. Его высочество соизволит навестить меня сегодня после полудня, и мне нужно выглядеть достаточно прилично для серьезного разговора.

Бреннер поднялся следом, аккуратно собрал бумаги и низко поклонился. В этот раз в его поклоне было чуть меньше парализующего ужаса и заметно больше растерянного уважения.

— Будет исполнено в точности, госпожа графиня.

Его Королевское Высочество наследный принц Адриан прибыл во втором часу пополудни в сопровождении двух конных гвардейцев и адъютанта, который остался дежурить в вестибюле.

Принимала я его в малой парадной гостиной. Комната была обставлена с тем тяжеловесным великолепием, которое обычно нравится пожилым дипломатам: золоченая лепнина по углам потолка, шелковые обои палевого оттенка, хрустальные вазы с белыми оранжерейными розами и низкий столик из узорчатой берёзы, на котором Нелла заблаговременно расставила фарфоровый чайный сервиз.

Я устроилась на канапе у окна, выбрав позу, требовавшую наименьших физических затрат: расправила тяжелые складки темно-синего шерстяного платья, положила руки на колени и приготовилась наблюдать.

Принц вошел легким, пружинистым шагом человека, привыкшего к восторженным взглядам публики. Высокий, широкоплечий, со светло-каштановыми вьющимися волосами и правильными, чуть слащавыми чертами лица, он выглядел сошедшей с обложки иллюстрацией к сказке о благородных рыцарях. Темно-зеленый мундир охранного полка сидел на нем как влитой, золотые пуговицы тускло поблескивали при свете дня, а на губах играла та снисходительно-ласковая улыбка, с которой снисходят к капризным фавориткам.

— Дорогая Эвелин! — воскликнул он с порога, протяги-

вая ко мне обе руки в белых лайковых перчатках. — Какое счастье видеть вас поднявшейся с постели! Двор полнился самыми ужасными слухами. Конрад вчера уверял моего батюшку, что вы находитесь на волосок от гибели!

Я позволила ему коснуться пальцами кончиков моих пальцев, вежливо обозначив светское приветствие, и мягко высвободила руку:

— Слухи преувеличены, ваше высочество. Обычная оплошность лекаря с дозировкой капель. Присаживайтесь, прошу вас. Чай свежий.

Адриан опустился в кресло напротив, расстегнул верхнюю пуговицу мундира и окинул меня внимательным, оценивающим взглядом. В этом взгляде читалось профессиональное мужское любопытство пополам со скукой человека, выполняющего обязательную семейную повинность.

— Вы бледны, милая подруга. И этот закрытый ворот… Право, темно-синяя шерсть вам не идет, она придает коже совершенно мертвенный оттенок. Но я рад, чрезвычайно рад, что кризис миновал. Отец уже планировал визит епископа для особого молебна о здравии будущей королевы.

— Благодарю за заботу его величество, — спокойно отозвалась я, разливая чай по чашкам. Рука не дрогнула, струя янтарного напитка легла точно в центр фарфорового донышка. — Однако я попросила вас о встрече вовсе не для того, чтобы обсуждать фасоны моих платьев. У меня есть к вам деловое предложение, Адриан.

Принц забавно изогнул бровь, взял чашку и сделал глоток:

— Деловое предложение? От невесты к жениху? Надеюсь, вы не собираетесь требовать с меня неустойку за пропущенный вторничный бал? Клянусь честью, учения кавалерийского полка затянулись до сумерек, я буквально падал от усталости…

— Я предлагаю расторгнуть нашу помолвку.

Фарфоровая чашка в руке Адриана тихо звякнула о блюдце.

Он замер с поднесенным ко рту чаем, моргнул один раз, другой, затем медленно поставил чашку с блюдцем на столик и негромко, снисходительно рассмеялся.

— Право, Эвелин, вы неподражаемы. Даже после опасного сердечного приступа вы находите способ разыграть целое представление ради того, чтобы уязвить мое самолюбие. Ну полно вам сердиться. Я признаю свою вину: на прошлой неделе я уделял вам мало времени. Дела полка, заседания малого совета у отца… Я исправлюсь. Обещаю, в ближайшую субботу мы отправимся на прогулку в Королевский парк, а вечером…

— Адриан, — я повысила голос ровно настолько, чтобы перебить его снисходительное журчание, и посмотрела принцу прямо в зрачки. — Послушайте меня внимательно. Я говорю совершенно серьезно. Без обид, без театральных жестов и без желания выпросить лишний букет оранжерейных роз. Я предлагаю прекратить брачное соглашение по взаим-

ному согласию сторон. Без скандалов, без взаимных претензий и без огласки до завершения официальных процедур.

Улыбка сползла с его лица, сменившись выражением легкого, раздраженного недоумения. Так директор театра смотрит на реквизитора, который посреди репетиции заявляет, что бутафорский пистолет случайно унесли на металлолом.

— Вы бредите, графиня. Это последствия лекарства. Другого объяснения я не нахожу.

— Объяснение предельно простое: мы не подходим друг другу. Вам нужна супруга, покорно ожидающая ваших редких визитов между парадами и заседаниями, а мне нужен покой и право самостоятельно распоряжаться своим доходом. Мы можем подать в королевскую канцелярию совместное прошение о прекращении помолвки по взаимному согласию. Ольховый Дол останется у меня, корона сохранит лицо, вы получите свободу выбора новой партии. Разве это не разумно?

Адриан подался вперед, положив локти на колени. Его красивое лицо утратило лоск светской любезности, губы сжались в тонкую, неприязненную линию.

— Разумно? Вы называете разумным расторжение союза, скрепленного подписью короля? Эвелин, бросьте этот дешевый шантаж. Я прекрасно понимаю, чего вы добиваетесь. Вам не понравилось, что отец урезал финансирование перестройки северного крыла вашего дворца? Или Конрад напел вам, что я недостаточно настойчиво продвигаю его кандида-

туру в совет по торговле? Мы решим эти вопросы. Но устраивать сцены и грозить мне разрывом помолвки — дурной тон. Вы будущая королева Арденны. Извольте вести себя соответственно титулу.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри закипает чисто профессиональная злость администратора, столкнувшегося с бездарным премьером труппы. Человек искренне не верил, что от него можно отказаться по доброй воле. В его стройной картине мира любая женщина мечтала висеть у него на шее, а слова об отказе воспринимались исключительно как изощренная прелюдия к выбиванию новых привилегий.

— Вы меня не услышали, ваше высочество, — произнесла я ледяным тоном, от которого у меня самой побежали мурашки по затылку. — Шантажировать вас я не собираюсь. Я сделала честное и выгодное для обеих сторон предложение. Вы вольны обдумать его до конца следующей недели. Навязывать себя я не стану, но и терпеть пренебрежение под видом заботы о государстве — тоже.

Адриан поднялся с кресла, одернул полы мундира и холодно поклонился:

— Наш разговор зашел в тупик исключительно по причине вашего нездоровья, графиня. Я списываю эту прискорбную выходку на действие лихорадки. Отдыхайте. Мы вернемся к обсуждению даты официального объявления о торжествах, когда вы вернете себе душевное равновесие.

Он повернулся на каблуках и направился к выходу, чеканя шаг начищенными сапогами. Уже в дверях он обернулся, окинул меня коротким снисходительным взглядом и бросил:

— И велите подать нормального кофе, Эвелин. Этот чай отдает аптекой.

Дверь за ним защелкнулась.

Я шумно выдохнула, опустила плечи и уставилась на остывающую чашку.

Прекрасно. Первый раунд переговоров завершился сокрушительным счетом ноль-один в пользу королевского самодовольства. Он даже не понял, что ему только что протянули спасательный круг.

Что ж, у меня оставался еще месяц. И если принц полагал, что брачный договор держится исключительно на моем девичьем тщеславии, его ждало глубочайшее и весьма дорогостоящее разочарование.

На следующий день, тридцатого ноября, пришла настоящая беда.

Она не стучала в двери и не грохотала барабанами — она явилась в лице побледневшей Неллы, которая вбежала в малую гостиную сразу после полудня, забыв постучать и скомкав край передника в побелевших кулаках.

— Госпожа графиня… Там… внизу…

Я оторвалась от гроссбуха, в котором пыталась свести баланс расходов на содержание конюшен.

— Нелла, отдышись. Кто там? Конрад?

— Командир королевских гвардейцев, госпожа. Барон Морель. Снова просит аудиенции. Говорит, прежде уже обращался насчет сестры и хотел бы получить ответ, если здоровье позволит вам его принять.

Перо выскользнуло из моих пальцев, оставив на странице жирную чернильную кляксу.

Риан Морель.

Тот самый человек, который в романе убил Эвелин на мраморной лестнице, остановив ее нападение. Я помнила, кто напал первым, но от этого перспектива увидеть его живьем ничуть не радовала. Старший сын покойного барона Мореля, командир королевского охранного полка. И шпага у него была настоящая.

Холодная волна страха ударила под ребра с такой силой, что дыхание перехватило. На мгновение перед глазами поплыли темные круги, а сердце в груди споткнулось, сбившись с ритма.

Спокойно, Вера. Дыши. Вдох через нос, выдох через рот. Никакого переворота еще нет. Мира еще лечит чирьи в своей провинции. Книжный переворот произошел в марте, а на дворе конец ноября. И я пока не совершила ничего, что к нему привело. Он пришел не убивать.

Но почему он пришел?

Я торопливо перебрала в памяти эпизоды прочитанного романа. Селия! Его младшая сестра, юная Селия Морель.

Несколько месяцев назад между ней и прежней Эвелин произошла ссора, закончившаяся магической клятвой молчания. Селия сидела взаперти, избегая света, а ее брат пытался добиться ответа от графини. Подробностей той ссоры я не помнила.

— Проси, — выдавила я, чувствуя, как немеют кончики пальцев. — Проводи его сюда. И… стой за дверью, Нелла. Если я позвоню — войдешь немедленно.

— Слушаюсь, госпожа графиня, — прошептала горничная и выскользнула в коридор.

Я медленно пересекла комнату и села в глубокое кресло у камина, заранее положив обе руки на широкие деревянные подлокотники. Ноги под платьем мелко дрожали, спина ныла от усталости, но поза должна была выглядеть безупречно. Поза светской львицы, принимающей очередного назойливого просителя.

Шаги в коридоре раздались почти сразу: тяжелые, размеренные, уверенные.

Дверь распахнулась, и на пороге возник Риан Морель.

Он оказался выше и массивнее, чем я представляла по страницам книги. Темно-синий офицерский колет с серебряным шитьем туго обтягивал широкую грудь и мускулистые плечи, тяжелая шпага в простых стальных ножнах покачивалась у бедра при каждом шаге. Загорелое, обветренное в походах лицо казалось высеченным из серого гранита: резкая линия тяжелой челюсти, прямой нос с едва заметной горбин-

кой и глаза — светлые, серо-стальные, смотревшие на меня с такой нескрываемой, колючей неприязнью, что воздух между нами мгновенно остыл на десяток градусов.

Он остановился в трех шагах от ковра, отвесил короткий, чисто формальный поклон офицера перед дамой высшего ранга и остался стоять, не приближаясь к креслу.

— Госпожа графиня.

Голос у него был низкий, сухой, привыкший отдавать команды сквозь грохот орудий.

— Барон Морель, — я заставила свой голос звучать ровно, почти скучающе, хотя ногти до боли впились в лакированное дерево подлокотников. — Вы чрезвычайно настойчивы. Мне казалось, мои слуги ясно дали понять, что я нездорова и не принимаю визитеров.

Морель едва заметно прищурился. Его взгляд скользнул по моему бледному лицу, задержался на судорожно сжатых пальцах и вернулся к глазам.

— Я знаю, что вы нездоровы, госпожа графиня. Поэтому буду краток. Три месяца я прошу об одном: ответьте, готовы ли вы освободить мою сестру от обязательства, сохранив обещанную ей тайну.

— Я слушаю вас, барон. Изложите суть дела коротко. Мое время ограничено.

— Суть дела вам прекрасно известна, — отчеканил он, оставаясь на прежнем месте. — Моя сестра. Селия. Она заперлась в имении, отказывается выезжать в свет и тает на

глазах от страха. Вы связали ее клятвой молчания после частной ссоры. Вы вынудили двадцатитрехлетнюю девушку дрожать при звуке вашего имени.

В горле у меня пересохло. Я помнила клятву молчания и ссору, но точных условий роман мне не оставил. Теперь к ним добавилось встречное обещание хранить какую-то тайну. Какую именно, Морель не сказал.

— Мне необходимо свериться с условиями клятвы, барон, — ответила я с холодностью, за которую сейчас с готовностью ухватилась бы обеими руками. — Я не могу обсуждать ее по одному пересказу.

— Я не знаю содержания их разговора, — произнес Морель. — Селия смогла сказать мне о самом обязательстве и о том, что огласка навредит близкому ей человеку. Она согласилась из страха перед вашими угрозами. Если для освобождения нужны расходы на специалиста, я их возмещу. Но ей нужен определенный ответ.

Он стоял передо мной — сильный, опасный, с неподвижно опущенными руками. Человек, который в романе пронзил это самое тело сталью. Отделить книжную лестницу от нынешней гостиной у меня пока не получалось.

Мысль о том, чтобы сказать ему прямо: «Я сниму клятву завтра, бесплатно, только не трогайте меня», обожгла сознание соблазнительным теплом. Но я вовремя прикусила язык.

Я понятия не имела, как работает этот чертов родовой дар. Даже если для снятия клятвы требовался один жест, мне

предстояло сначала узнать, какой именно. Обещать срок, которого не смогу выдержать, было бы прекрасным способом окончательно восстановить против себя Мореля.

Я медленно выдохнула, расправила плечи и посмотрела ему в глаза снизу вверх:

— Я не торгую чужой свободой за деньги, барон. С вопросом об оплате специалиста я разберусь сама.

— Тогда когда Селия получит ответ? — спросил он. — Я прошу пока только об этом.

— После проверки моего состояния и самого обязательства. Я едва оправилась от остановки сердца и не стану пробовать магическое действие на вашей сестре, пока не буду уверена, что справлюсь.

Морель замолчал. В его стальных глазах мелькнуло сомнение. Его взгляд задержался на моей руке, стиснувшей подлокотник. Он чуть отступил в сторону, освобождая мне вид на дверь, и больше не повторял прежних доводов.

— Вы утверждаете, что готовы освободить ее?

— Я намерена проверить возможность освобождения, — ответила я, удерживая холодный светский тон. — Обязательство после той ссоры с вашей сестрой. Этого обозначения достаточно для поиска записи? Мне потребуется несколько дней на архив и осмотр специалиста. Затем я передам ответ самой Селии. Если смогу безопасно снять клятву, она получит приглашение с правом приехать с любым сопровождающим, включая вас.

Барон смотрел на меня долго, тяжело, словно пытаясь разглядеть фальшь под маской надменной аристократки.

— Да, речь об обязательстве после той ссоры. Передайте ответ самой Селии. Без требования сначала приехать сюда или оказать вам услугу.

— Слово графини Вальтер, — произнесла я, молясь про себя, чтобы это прозвучало весомо, а не комично. — А теперь оставьте меня, барон Морель. Я устала.

Риан помедлил еще секунду, словно решая, стоит ли нажать сильнее, затем отступил на полшага и коротко склонил голову:

— До пятого декабря, госпожа графиня, — произнес он. — Даже если проверка еще не будет закончена, сообщите ей об этом. Она достаточно долго ждала в неизвестности. Честь имею.

Он развернулся и вышел из гостиной, не оглядываясь.

Едва тяжелая дубовая створка захлопнулась за его спиной, вся моя напускная невозмутимость рассыпалась в прах. Я бессильно уронила голову на подлокотник, судорожно хватая ртом воздух. Пальцы мелко дрожали, сердце колотилось где-то в горле, а перед глазами стояли эти холодные, беспощадные серые глаза.

Он будет ждать известий до пятого декабря. Несколько дней на то, чтобы разобраться с даром, которым я ни разу не пользовалась. И все-таки это было лучше обещания немедленно сотворить чудо.

Я с трудом дотянулась до серебряного колокольчика и резко тряхнула его. Нелла влетела в комнату мгновенно, бледная как полотно.

— Госпожа графиня! Живы?!

— Жива, — прохрипела я, выпрямляясь. — Нелла, немедленно найди Бреннера. Пусть прямо сейчас, не откладывая ни на минуту, пошлет курьера к моему дядюшке Конраду. Мне нужен полный реестр личных клятв из отцовского архива. К завтрашнему утру.

— Слушаюсь!

— И еще одно. — Я перевела дух, чувствуя, как страх медленно отступает, уступая место холодной ярости загнанного в угол зверя. — Расспроси лекаря. Мне нужен учитель. Лучший в городе специалист по снятию магических обязательств. Не из придворных, не связанный с короной и с дядей. Независимый заклинатель за любые деньги.

Нелла испуганно моргнула, но перечить не посмела:

— Все исполню, госпожа. Сию минуту.

Она выбежала, а я повернулась к окну. За стеклом сгущались ранние зимние сумерки, капли дождя превращались в колючую ледяную крупу, и где-то там, в темноте улиц Вельмонта, звенели шпоры человека, одного воспоминания о котором хватало, чтобы у меня задрожали руки.

Переговоры с принцем провалились, Морель ждал ответа о сестре, а собственная магия была темным лесом.

Прекрасное начало новой жизни. Просто великолепное.

Глава 3

Дядюшка Конрад появился в малой гостиной ровно в девять утра первого декабря в сопровождении давешнего лекаря и незнакомой пожилой дамы в строгом темном чепце. Младший брат покойного графа Вальтера обладал удивительным талантом занимать собой все окружающее пространство. Он был круглоголов, гладко выбрит, благоухал дорогим померанцевым одеколоном и носил бархатный жилет густого винного оттенка.

— Дорогая племянница! — прогудел он от порога, раскидывая пухлые руки в перстнях. — Какое потрясение для всей семьи! Я бросил дела торговой палаты, спешил сквозь сырость, невзирая на собственное нездоровье…

Я сидела в кресле с прямой спинкой, успев к его приходу одеться в строгое домашнее платье из плотного сукна, и спокойно наблюдала за его маневрами между чайным столиком и камином.

— Доброе утро, дядя. — Я позволила ему коснуться губами пальцев моей руки и сразу вернула ладонь на колени. — Ваша забота трогательна, однако лекарь настойчиво советовал мне избегать громких речей. Присаживайтесь.

Конрад опустился в кресло напротив и окинул меня цепким взглядом маленьких внимательных глаз. В его выраже-

нии сквозило легкое недоумение: прежняя Эвелин редко говорила столь сдержанно, предпочитая либо холодное пренебрежение, либо вспышки раздражения.

— Ты бледна, девочка моя. И эта простота в одежде… Слуги шепчутся, будто ты путаешь имена и забываешь привычный распорядок дома. Я счел своим долгом немедленно прибыть и взять текущие заботы на себя. В твоем положении любые волнения гибельны.

Он положил на стол пухлую ладонь, словно накрывая невидимую печать:

— Я уже распорядился приостановить расчеты по строительным подрядам и отменил выплаты городским мастерам. Кроме того, нашему кузену Юлиусу требуется срочное пособие на обустройство имения, и я счел разумным воспользоваться прежним поручением и подписать вексель от твоего имени, дабы не утомлять тебя формальностями.

Внутри у меня шевельнулась знакомая директорская злость на предприимчивых родственников, вечно пытающихся поживиться за счет театрального фонда.

— Напрасно побеспокоились, дядя, — ровно произнесла я. — Никаких выплат Юлиусу производиться не будет. Подготовьте отмену этого векселя и известите получателя. С сегодняшнего дня никаких новых финансовых обязательств от моего имени без моего согласия. Что же касается управления имуществом, то совершеннолетие наступило четыре года назад, и передавать дела под опеку я не намерена.

Конрад насупился, его гладкие щеки слегка порозовели:

— Ты говоришь опрометчиво, Эвелин. После остановки сердца рассудок может давать сбои. Собственно, господин лекарь подтвердит…

— Господин лекарь здесь для того, чтобы представить независимого специалиста, — перебила я, поворачиваясь к пожилой даме, которая все это время скромно стояла возле книжного шкафа. — Полагаю, вы госпожа Агата Рен?

Дама сделала шаг вперед и сухо поклонилась. Ей было около шестидесяти; седые волосы были гладко убраны под простой темный чепец, а внимательные серые глаза смотрели цепко и прямо. В руке она держала узкий кожаный саквояж.

— Именно так, госпожа графиня. По рекомендации вашего лекаря я прибыла оценить устойчивость ваших магических каналов после перенесенного припадка.

— Чушь! — фыркнул Конрад, нервно поправляя жилет. — Семейная магия рода Вальтер не терпит посторонних глаз! Я лично обучал тебя основам работы с клятвами и готов возобновить наставления, как только ты окрепнешь.

— Госпожа Рен состоит при столичной коллегии по спорным магическим обязательствам, — спокойно возразила я, взглянув на дядю. — Ее независимость — главное условие. Дядя, вы оставили на моем столике затребованный вчера архив?

Конрад неохотно вытащил из кармана пальто небольшую шкатулку темного дерева с медным замочком и положил ее

перед собой:

— Здесь реестр твоих действующих обязательств: семейные связи, переданные тебе отцом при жизни, и позднейшие личные клятвы. Все имеющиеся у меня записи. Однако я настаиваю…

— Благодарю. — Я взяла шкатулку и пододвинула к себе. — Господин Бреннер сверит ее содержимое с описью и доступными записями в моем кабинете. — Я раскрыла лежавшую рядом выписку по старым поручениям, которую подготовил Бреннер. — За вами, дядя, временно сохраняется одно поручение: получить и сверить итоговый зимний расчет по старому торговому вложению, учет которого вы вели. Период закрывается пятнадцатого марта. Новых сделок, распоряжений садом или домом и получения денег это поручение не разрешает. Свои прежние записи вы передадите Бреннеру, как и копии промежуточных сведений. Итоговый расчет и любые выплаты утвержу я лично.

Конрад шумно выдохнул, явно готовый к долгой нравоучительной тираде о неблагодарности сироты, но присутствие посторонних связало ему руки. Он поднялся, натянул вежливую улыбку и поклонился:

— Ты проявляешь излишнее упрямство, Эвелин. Надеюсь, госпожа заклинательница сумеет вразумить тебя лучше, чем любящий родственник.

После ухода Конрада лекарь еще раз проверил пульс и попросил меня пройтись по комнате, назвать лежавшие на

столе предметы и прочитать несколько строк из записки. С обычными движениями и чтением я справилась. Объяснить незнакомые домашние привычки оказалось труднее. Лекарь напомнил о необходимости покоя и сказал, что глубину перемен после остановки сердца предстоит оценивать постепенно. Когда он ушел, Агата Рен неторопливо подошла к столу, положила саквояж и села на освободившееся кресло.

— Итак, госпожа графиня. Давайте проверим, что именно осталось от вашего хваленого семейного искусства.

Осмотр оказался долгим и на удивление прозаичным. Никаких горящих кругов на полу и таинственных заклинаний на древних языках: Агата попросила меня положить ладони на плоский медный диск с выгравированными концентрическими окружностями и сосредоточиться на дыхании.

Внутри, прямо под ребрами, отозвалось странное, тупое давление. Словно глубоко в груди дремал клубок тончайших шелковых нитей, часть из которых тянулась наружу, в пустоту, а концы других терялись в невидимой темноте. Я не могла определить ни людей, ни условия этих связей. Когда я попыталась сосредоточиться на одном из смутных отзвуков, виски прострелило резкой, обжигающей болью, а медный диск под пальцами едва заметно нагрелся.

— Довольно, — велела Агата, убирая прибор. — Дар сохранился, но точно управлять им вы сейчас не можете. После такого приступа многое приходится проверять заново. Одного осмотра мало. Будем наблюдать, как возвращается

чувствительность, и не станем торопиться.

— Это поправимо? — спросила я, осторожно массируя ноющие виски.

— Попробуем ежедневные короткие занятия. Сначала научитесь различать чужое обязательство и отзвук собственной встречной обязанности. Завтра в десять утра. Попросите прийти человека с простой, известной формулировкой клятвы, если он согласится на проверку. Текст прочтем заранее, его самого расспросим. По одному ощущению вы условий не узнаете.

Я вспомнила сухощавую фигуру управляющего и невольно вздохнула:

— Такой человек есть.

Я помедлила, глядя на закрытый саквояж. Вспомнился пустой край столика, где рука так и не нашла телефон.

— Госпожа Рен, а после подобных приступов люди когда-нибудь помнят чужую жизнь? Незнакомые места, людей, которых здесь никто не знает?

Агата посмотрела на меня внимательнее.

— Рассказы о необычных воспоминаниях встречаются. Надо разбираться, что именно человек помнит и когда это началось. Я посмотрю описания похожих случаев. Пока обещать объяснение не могу.

Я кивнула. Даже это было больше, чем полное отсутствие человека, которому можно задать вопрос.

Второе и третье декабря слились в череду однообразных, выматывающих упражнений.

Мы занимались в угловой гостиной, где царила тишина и лился неяркий дневной свет. На столике постоянно стоял кувшин с чистой водой: после каждой попытки прикоснуться к магической нити во рту появлялась металлическая горечь.

Третьего декабря Бреннер явился на урок точно в назначенное время. В руках он держал лист пергамента с точным текстом собственного обязательства, заключенного год назад: он обещал три года не раскрывать посторонним сведения о личных расходах и частных встречах Эвелин, ставшие известными ему по службе. Взамен графиня обязалась в тот же срок не требовать досрочного погашения долга его отца при соблюдении порядка выплат. До конца клятвы оставалось около двух лет. Саму службу это обязательство не закрепляло; Бреннер подтвердил, что мог уволиться, но остался бы связан молчанием.

Управляющий держался с безупречной внешней выдержкой, но стоило мне протянуть к нему руку, как он так стиснул челюсти, что на скулах выступили желваки.

— Не бойтесь, господин Бреннер, — негромко произнесла я, чувствуя укол совести перед этим взрослым, уставшим человеком. — Мы только проверяем структуру связи. Снимать ее прямо сейчас я не стану.

— Я готов к процедуре, госпожа графиня, — сухо ото-

звался он, глядя куда-то поверх моего плеча.

— Закройте глаза, Эвелин, — велела Агата, внимательно следившая за каждым моим движением. — Нащупайте нить, идущую от его груди к вашему запястью. Ощутите встречный поток. Что вы чувствуете?

Я сосредоточилась. Под веками возникло смутное мерцание: от плеча Бреннера тянулся тугой сероватый жгут, прочно сплетенный с тонкой серебристой полосой, исходившей от моей ладони. По уже прочитанному и подтвержденному Бреннером тексту я училась различать две стороны: его обязанность молчать и мое обещание не требовать досрочной выплаты. При заключении каждый принял свою обязанность; держатель мог освободить другого участника, сохранив собственное обещание.

— Вижу, — выдохнула я. — Он молчит, пока действует отсрочка.

— Теперь попробуйте ослабить натяжение со своей стороны. Медленно. Не рвите!

Я поспешила. Желание поскорее разделаться с чужим унижением подтолкнуло меня сделать резкий мысленный рывок.

Узор дрогнул и расплылся. Я попыталась удержать его, но перед глазами полыхнуло багровым, а в правом виске запульсировала резь. Бреннер заметил, как я побледнела, и резко отдернул руку. Нити исчезли из моего восприятия; возвращать их новым усилием было все равно что пытаться разгля-

деть что-то после взгляда на солнце.

— Назад! — властно приказала Агата, резко накрыв мою руку своей сухой, прохладной ладонью.

Вспышка погасла. Я бессильно откинулась на спинку кресла, тяжело дыша и чувствуя, как по шее стекает холодная капля пота. Пальцы онемели до самых костяшек.

— Хватит на сегодня, — отрезала наставница, подавая мне стакан воды. — Вы потеряли чувствительность. До завтра упражнений не будет. Господин Бреннер, вы вправе остановить проверку в любой момент. Мы договорились пока только разобраться в связи.

Бреннер медленно выпрямился, поправил манжеты сюртука и вытер платком испарину со лба.

— Простите, господин Бреннер, — хрипло сказала я, глядя на него снизу вверх.

Управляющий замер, моргнул, и на его бесстрастном лице на секунду проступило искреннее смятение. Графиня Вальтер, извиняющаяся перед слугой за неловкость в обращении с магической плетью, явно не укладывалась ни в какие законы мироздания.

— Мне не больно, госпожа графиня, — осторожно проронил он после короткой заминки. — Но на сегодня я предпочел бы закончить.

— Мы снимем это обязательство завтра, — твердо пообещала я. — И долг вашего батюшки останется на прежних условиях выплат. Я подпишу отказ от досрочного взыскания

отдельным гражданским документом. После снятия клятвы вы сможете свободно говорить об этих делах.

Он поклонился и вышел. Агата проводила его долгим взглядом, затем повернулась ко мне:

— Вы учитесь быстрее, чем я предполагала, госпожа графиня. Но запомните: освобождение человека не делает его вашим должником. Завтра вы вернете ему выбор. Будьте готовы к тому, что этот выбор вам не понравится.

Четвертого декабря кабинет хозяйки дома был подготовлен к процедуре с аптекарской аккуратностью.

На столе лежали два документа: пергамент с текстом старой клятвы и составленное городским поверенным письменное обязательство рода Вальтер сохранить рассрочку долга на прежних условиях без права требования досрочной выплаты при соблюдении графика. Рядом стояли чернильница и плошка с горячим сургучом.

Бреннер вошел ровно в полдень. На сей раз в его движениях не было прежней скованности, хотя настороженность во взгляде никуда не исчезла. Агата Рен заняла место у окна, выполняя роль беспристрастного свидетеля и страховки.

— Присаживайтесь, господин Бреннер. — Я указала на кресло. — Ознакомьтесь с бумагой. Здесь зафиксирован отказ от досрочного взыскания долга вашего родителя, пока текущие выплаты поступают в срок. Это обычный светский договор, не связанный магией.

Управляющий внимательно, строчка за строчкой, изучил документ, задержавшись на пункте о подсудности городскому магистрату.

— Формулировки безупречны, госпожа графиня.

— В таком случае начнем. — Я подписала обязательство и скрепила подпись печатью. — Дайте мне руку.

Он положил руку на стол ладонью вверх. Я накрыла ее своими пальцами.

На этот раз я не торопилась. Сделав глубокий, размеренный вдох, я нащупала знакомое сплетение серебряной и серой нитей. Серебро моего обещания пульсировало мягко и ровно. Я осторожно начала распускать узел, удерживавший серую нить его обязательства. Собственное обещание об отсрочке я не трогала.

Это походило на распутывание сложного шелкового шнура в полной темноте. Нить подалась, истончилась, на миг натянулась тончайшей паутинкой — и с едва слышным хрустальным звоном растаяла в воздухе.

В груди мгновенно стало легче, словно с плеч свалился тугой мешок с мокрым песком.

Бреннер судорожно вздохнул всей грудью, отдернул руку и прижал ладонь к шее, словно нащупывая след от снятого ошейника. Кожа под его пальцами порозовела, дыхание выровнялось. Он перевел взгляд с моей руки на свои ладони, затем медленно поднял глаза.

— Обязательство молчать снято, — подтвердила от окна

Агата Рен, складывая руки на груди. — Чистая работа, без остаточного следа. Поздравляю, госпожа Вальтер.

Я улыбнулась — тепло и искренне, чувствуя колоссальное облегчение от первой настоящей победы над книжной безнадежностью. В глубине души теплилась наивная мысль: теперь, избавившись от вечного страха, этот надежный, знающий дело человек останется рядом по доброй воле. Мы вместе наведем порядок в счетах, разберемся с садом…

— Госпожа графиня, — негромко произнес Бреннер, прерывая мои радужные размышления.

— Да, господин Бреннер? Выпейте воды, вы еще бледны.

Он не прикоснулся к бокалу. Выпрямился, аккуратно одернул сюртук и посмотрел на меня совершенно новым, незнакомым взглядом — прямым, спокойным и абсолютно чужим.

— Я благодарен вам за возвращенную свободу и сохранение условий займа для моего отца. Это благородный поступок. Однако я обязан известить вас о своем решении. Я намерен покинуть службу в доме Вальтер.

Воздух в кабинете словно заледенел.

Слова застряли у меня в горле. В первую секунду хотелось возмутиться, напомнить, сколько всего я только что для него сделала, предложить прибавку к жалованью, потребовать объяснений… Я уже открыла рот, чтобы сказать: «Но я ведь только что спасла вас!», но вовремя поймала строгий, предостерегающий взгляд Агаты.

«Освобождение не делает человека вашим должником».

Я медленно закрыла рот, сжала пальцы в замок под столом и сделала вдох.

Он имел на это полное право. Целый год он служил под дамочкой, готовой в любую секунду пустить его семью по миру. Он терпел ее капризы, дрожал за каждый отчет и ненавидел этот дом каждой клеточкой души. Мое внезапное великодушие не могло перечеркнуть триста шестьдесят пять дней унижения.

— Что ж, — произнесла я ровным, деловым тоном, в котором не осталось ни следа обиды. — Это ваше законное право, господин Бреннер. Когда вы планируете завершить дела?

На лице управляющего мелькнула растерянность. К такой спокойной реакции он явно не был готов.

— По условиям прежнего найма я обязан предупредить за две недели. Однако поместье и столичные счета требуют обстоятельной передачи. Если вы позволите, я доведу текущие расчеты до конца декабря и помогу вам подыскать достойного преемника. Разумеется, если вы гарантируете мне полный расчет за отработанное время.

— Гарантирую, — кивнула я, придвигая к себе журнал службы. — До конца месяца вы остаетесь на прежнем жалованье. Начните поиск кандидатов на ваше место с завтрашнего дня. Мне нужен человек толковый, не склонный к воровству и способный разбираться в городской недвижимости.

Бреннер поднялся и поклонился — на сей раз без рабской поспешности, с достоинством свободного наемного служащего.

— Благодарю вас, госпожа графиня. Я немедленно приступлю к составлению передаточной описи.

Когда дверь за ним закрылась, я с силой потерла лицо ладонями. Усталость навалилась свинцовой тяжестью: после магической работы гудели плечи, а в затылке неприятно ныло.

Первая клятва была снята. Но вместо преданного союзника я получила управляющего с заявлением об уходе и месячный срок на поиск нового человека.

— Тяжело? — тихо спросила Агата, подходя к столу и убирая свои записи в саквояж.

— Досадно, — честно призналась я, глядя в окно на серые декабрьские сумерки. — Но справедливо.

Старая заклинательница едва заметно усмехнулась уголком губ:

— Вы начинаете понимать суть вещей, госпожа Вальтер. Завтра отдыхайте. Если барышня Морель согласится приехать шестого декабря, я буду присутствовать при встрече. Только сначала отправьте приглашение: ее брат ждет известий до пятого.

Я кивнула, вспоминая стальные глаза гвардейского командира.

Один узел развязан. На очереди была юная Селия и тайна,

из-за которой над моей шеей навис офицерский клинок.

Глава 4

Составлять вежливые письма в чужом мире оказалось занятием на редкость утомительным, особенно когда каждая фраза норовила прозвучать то ли судебной повесткой, то ли скрытой угрозой расправы.

Утром пятого декабря я сидела за столом в малой комнате для переписки. Бреннер закончил сверку выданных записей с описью и бумагами кабинета; расхождений не нашлось. По заверению Конрада, других действующих обязательств в архиве не было. Перед глазами лежал лист из его шкатулки с записью о клятве Селии Морель. Формулировка была короткой и безжалостно точной:

«В течение двух лет не пересказывать содержание нашего сегодняшнего разговора и не называть людей, о которых в нем шла речь. Встречное обязательство Эвелин Вальтер: не раскрывать происхождение ребенка твоей подруги и не передавать другим сведения, позволяющие установить эту тайну».

Имени подруги в записи не значилось. Прежняя Эвелин знала, о ком идет речь, мне же подробности были неведомы, да и даром не требовались. В романе эта тайна служила лишь рычагом давления: графиня держала юную дворянку на коротком поводке, распуская по городу туманные намеки на

чужую ветреность, пока несчастная девушка сходила с ума от страха за близких.

Рядом со шкатулкой лежали свежие списки соискателей на должность управляющего, аккуратно подготовленные Бреннером. Сам он стоял у конторки, методично затачивая гусиные перья маленьким складным ножичком.

— Господин Бреннер. — Я отложила черновик письма. — Взгляните. Я хочу пригласить барышню Морель для добровольного снятия обязательства. Текст не допускает двоякого толкования?

Управляющий отложил ножик, надел круглые очки в серебряной оправе и принял лист. Он вчитывался медленно, шевеля губами на каждом сложном предложении, словно искал спрятанный между строк яд:

— «…имею честь известить вас о готовности полностью аннулировать данное вами обещание касательно памятной ссоры в удобное для вас время. Вы вольны явиться в сопровождении любого доверенного лица, включая вашего родича…» — Бреннер поднял на меня взгляд поверх стекол. — Госпожа графиня, вы действительно позволяете ей приехать с братом?

— Разумеется. Если девушка боится переступать этот порог в одиночку, присутствие близкого человека избавит ее от лишних терзаний.

— В таком случае формулировка безупречна, — заключил он, возвращая листок. — Я бы только добавил прямо:

ни ответной услуги, ни нового обязательства не потребуется. После прежних отказов барышня наверняка станет искать приписку с условиями.

— Добавим, — кивнула я, берясь за чистовик. — И пусть сама выбирает, когда приехать. Мне нужно, чтобы она поняла: торга не будет.

Стоявшая у притолоки Нелла с подносом для корреспонденции переглянулась с управляющим. В глазах горничной читалось смешанное чувство восторга и затаенного ужаса: в ее картине мира хозяйка явно затевала какую-то неслыханно грандиозную интригу, раз снизошла до подобного великодушия.

Я обмакнула перо в чернила и переписала текст начисто, старательно выводя буквы с легким наклоном вправо, как требовал этикет. В глубине души копошился эгоистичный расчет: если Селия вернется домой свободной и невредимой, ее грозный брат-командир хотя бы на время спрячет свою шпагу в ножны. Притворяться абсолютной святой перед самой собой было глупо. Мне требовалась безопасность, а лучший способ ее получить — убрать единственный повод для смертельной вражды.

— Отправьте с городским курьером в особняк барона Мореля, — велела я, запечатывая конверт каплей темно-синего воска без фамильного оттиска. — И пригласите к полудню госпожу Рен. Завтра нам понадобятся ее приборы.

Ответ пришел к вечеру того же дня. На плотной серой бу-

маге, пахнущей горьким миндалем, неровным девичьим почерком было выведено всего три строки: Селия Морель принимала предложение и обещала прибыть на следующий день в два часа пополудни в сопровождении пожилой компаньонки.

Она выбрала компаньонку. Я не стала гадать, почему Селия не захотела ехать с братом. В приглашении ей обещали свободный выбор сопровождающего, и вмешиваться в него я не собиралась.

Шестого декабря столицу накрыло первым настоящим снегом. Крупные влажные хлопья лениво падали на карнизы, залепляли стекла гостиной и таяли на мостовой серыми холодными лужами.

Я распорядилась затопить камин в дневной гостиной за час до назначенного времени. Комната была светлой, с высокими окнами в сад и двумя широкими дверями: одна вела в галерею, другая — в главный коридор. Стол оставили у дальней стены, а глубокие кресла расставили так, чтобы гостья могла сесть рядом с выходом, видеть дверь и в любой момент беспрепятственно покинуть помещение.

Селия Морель вошла в комнату. Сопровождавшая ее сухонькая дама в траурном платье осталась ждать в приемной.

Ей было двадцать три года, но в тяжелом глухом плаще из темного драпа с опущенным капюшоном она казалась совсем юной и хрупкой. Скинув накидку на руки подоспевшей

Неллы, Селия замерла на ковре. У нее были мягкие русые волосы, собранные в скромный узел на затылке, и большие серые глаза — очень похожие на глаза брата, только лишенные его стальной уверенности. В этих глазах плескался такой неприкрытый, отчаянный страх, что мне стало физически неловко за свою новую фамилию.

— Проходите, барышня Морель. — Я поднялась навстречу, жестом указывая на кресло у огня. — Присаживайтесь. Чай, горячий сбитень? На улице сыро.

— Благодарю вас, госпожа графиня, — голос девушки дрогнул, но она справилась с дыханием, прошла к указанному месту и села на самый краешек, уперев пальцы в колени. Чайную чашку она даже не удостоила взглядом. — Я приехала не ради светских бесед. Вы написали, что готовы говорить об обязательстве.

У окна негромко кашлянула Агата Рен. Старая заклинательница сидела с рукоделием в руках, дожидаясь начала процедуры.

— Госпожа Рен — независимый специалист по спорным клятвам, — пояснила я, опускаясь в кресло напротив гостьи на расстоянии добрых трех шагов. — Она здесь исключительно ради вашей уверенности в безопасности процедуры. Барышня Морель, я намерена прямо сейчас снять с вас данную мне клятву молчания.

Селия побледнела еще сильнее, ее тонкие брови сошлись к переносице:

— За какую цену? Риан говорил, вы обещали дать мне ответ…

— Никакой цены не будет.

Девушка нервно усмехнулась, сжимая складки шелковой юбки:

— Графиня Вальтер не совершает благодеяний даром. Чего вы хотите? Чтобы я явилась ко двору и заявила, будто оклеветала вас? Или… или вы хотите, чтобы я рассказала при свидетеле то, о чем тогда проговорилась?

Она осеклась и сжала губы, испуганно взглянув на Агату. Даже сейчас Селия следила за каждым словом, которое могло выдать чужой секрет.

— Мне не нужны ваши оправдания перед двором, — мягко, но твердо перебила я. — И рассказывать подробности не потребуется. Селия, посмотрите на меня.

Она неохотно подняла взгляд.

— Клятва, связавшая вас несколько месяцев назад, состояла из двух встречных обещаний. Вы обязались хранить молчание о содержании нашей ссоры и не называть людей, о которых шла речь. Я обязалась хранить тайну, ради которой вы согласились. Сейчас я освобождаю вас только от вашего слова. Мое встречное обещание не разглашать эту тайну и не передавать сведения, позволяющие ее установить, остается в силе.

В комнате повисла тишина, нарушаемая только сухим потрескиванием дров в камине.

Селия медленно перевела взгляд на Агату:

— Это возможно по законам магии? Разве снятие связи не разрушает обе части договора?

Старая заклинательница отложила вязание и заговорила спокойным, наставительным тоном судебного эксперта:

— Не разрушает, — ответила Агата. — При заключении вы обе приняли обязательства. Сейчас графиня освобождает вас от вашего. Её встречное обещание само по себе от этого не прекращается и нового подтверждения не требует. Для взаимного прекращения понадобилось бы отдельное согласие. Вы его не давали. Ваша защита сохраняется.

Селия перевела дыхание. Напряжение в ее хрупких плечах чуть ослабло, но настороженность осталась:

— Почему сейчас? Три месяца вы отказывали моим поверенным. Мой брат трижды пытался добиться аудиенции…

Я выдержала паузу, глядя на пляшущие в камине отблески пламени. Объяснять ей про попаданство, прочитанный на вокзале роман и страх перед шпагой Риана было бы верхом безумия.

— Люди иногда переносят болезни, которые заставляют иначе взглянуть на ценность чужого покоя, барышня Морель. Мне этот секрет не принес ничего, кроме дурной славы и чужой ненависти. Держать вас на привязи ради собственного тщеславия я больше не желаю. Этого объяснения вам достаточно?

Девушка помолчала, разглядывая узор на ковре, затем ре-

шительно стянула с правой руки тонкую перчатку из серой замши:

— Я готова, госпожа графиня.

Процедура заняла меньше двух минут.

После тяжелой работы с Бреннером узор клятвы Селии показался мне прозрачным и хрупким. Тонкая серебристая нить, тянувшаяся от ее девичьей груди к моей ладони, была туго натянута, пульсируя слабым, неровным серым светом. Она удерживала конкретное обещание молчать о той ссоре. Рядом различался отзвук моей встречной обязанности, которую предстояло сохранить.

Я накрыла ее холодные дрожащие пальцы своей ладонью, закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

Серебряный узел поддался легко. Без рывков, без спешки я аккуратно ослабила переплетение, позволяя нити ее обязательства истончиться и исчезнуть. Собственную сторону обещания я оставила нетронутой. Никаких вспышек боли, никакого сопротивления: узел молчания просто растаял, оставив после себя легкий запах озона и приятное тепло в кончиках пальцев.

Селия судорожно всхлипнула, отдернула руку и прижала ладони к щекам. Ее дыхание стало глубоким, прерывистым, глаза блестели от выступивших слез.

— Все кончено, — тихо произнесла Агата от окна. — Ваше обязательство снято полностью. Встречное обещание

графини сохранено. Вы свободны, барышня Морель.

Селия медленно поднялась с кресла. Она поправила манжеты платья, быстро натянула перчатку обратно и посмотрела на меня сверху вниз.

Я сидела, откинувшись на спинку, чувствуя привычную тянущую усталость в плечах, и невольно ждала. Обычной человеческой реакции: облегченного выдоха, короткого «спасибо», может быть, робкой улыбки избавившейся от кошмара девочки. Внутри все еще жила глупая привычка театрального директора, ожидавшего аплодисментов от труппы за вовремя выплаченный аванс.

Аплодисментов не последовало.

Лицо Селии Морель оставалось застывшим, бледным и совершенно чужим. В нем читалось колоссальное облегчение человека, выбравшегося из капкана, пополам с брезгливым желанием как можно скорее смыть с себя саму память об этом доме.

— Я благодарю госпожу заклинательницу за свидетельство, — произнесла она сухим, ломким голосом, глядя исключительно на Агату. Затем повернулась ко мне и отвесила безукоризненный, ледяной придворный поклон: — Госпожа графиня. Прощайте.

Ни слова благодарности. Ни взгляда сочувствия. Ни единого намека на то, что прежние обиды забыты.

Она развернулась и стремительно вышла из гостиной, шурша тяжелыми шелковыми юбками. Через минуту в га-

лерее глухо хлопнула входная дверь, и стук колес наемного экипажа возвестил о том, что барышня Морель уехала из особняка Вальтеров.

Я закрыла глаза и шумно выпустила воздух сквозь зубы.

— Надеялись на слезы умиления и предложение вечной дружбы? — насмешливо поинтересовалась Агата, аккуратно укладывая вязание в саквояж.

— Я уже поняла это с Бреннером, — отозвалась я, разглядывая собственные руки. — И все равно ждала, что на этот раз будет теплее. Глупо, знаю.

— Понимать легче, чем привыкнуть, — заметила Агата, защелкивая медный замок сумки. — Вы дали ей возможность уйти. Сегодня она ею воспользовалась.

Я усмехнулась — горько, но вполне оценив справедливость упрека.

Действительно. Прежняя Эвелин методично выжигала вокруг себя любое доверие, а я наивно рассчитывала перечеркнуть три месяца травли одним росчерком пера и парой ласковых фраз. Так дела не делаются ни в театре, ни в феодальной монархии.

Но главное было сделано.

Селия свободна. Ее семейная тайна в безопасности. Оставалось надеяться, что ее брат, командир королевских гвардейцев Риан Морель, тоже сочтет главный вопрос решенным.

Я поднялась с кресла, подошла к окну и прижала горя-

чий лоб к прохладному стеклу. На улице сгущались ранние сумерки, первый декабрьский снег ложился на запущенный отцовский сад, укрывая голые ветви чистым белым саваном.

Где-то там, за рекой, офицер королевского полка скоро узнает, что его сестра свободна, а у Паучихи Вальтер не нашлось к ней ни единого встречного требования.

Хотела бы я видеть выражение его лица в этот момент.

Глава 5

Седьмого декабря, ровно через сутки после ухода Селии, командир королевского полка явился вновь.

На сей раз известие о нем не заставило Неллу забыть постучать. Нелла доложила о визите чинно, хотя в ее круглых глазах все еще плескалось понятное благоговение перед офицерским мундиром.

Я велела проводить гостя в парадную гостиную. Сегодня я чувствовала себя значительно крепче: утренний осмотр лекаря подтвердил, что сердечный ритм выровнялся, а чашка крепкого кофе без ромашковых добавок окончательно разогнала туман в голове. Я устроилась в глубоком кресле возле камина, выбрав место лицом к дверям, и заранее положила руки на колени.

Риан Морель вошел твердым, чеканным шагом. Тот же темно-синий колет с серебром, начищенные до зеркального блеска сапоги, тяжелая шпага у бедра. Однако сегодня в его осанке сквозило напряжение иного рода. Человек шел в бой, держа щит наготове, но поле битвы почему-то оказалось совершенно пустым.

Он остановился на положенном расстоянии, коротко поклонился и замер, вглядываясь в мое лицо своими стальными, цепкими глазами.

— Госпожа графиня.

— Барон Морель, — я слегка наклонила голову. — Присаживайтесь. Надеюсь, на этот раз у вас найдется минута выслушать хозяйку дома до конца.

Он остался стоять посреди ковра, снял перчатки и аккуратно сложил их в левой руке.

— Селия вчера вернулась домой, — заговорил он без предисловий. Голос звучал глухо, с легким металлическим дребезжанием сдерживаемого напора. — Она свободна. Обязательство снято, заклинательница коллегии подтвердила чистоту процедуры.

— Рада это слышать, — спокойно отозвалась я. — Значит, цель вашего прошлого визита достигнута.

— Моя сестра утверждает, что вы не потребовали от нее ни единого медяка. Ни векселя, ни признания вины, ни ответной услуги.

— Ваша сестра говорит чистую правду.

Морель прищурился. Он провел большим пальцем по шву перчатки и помолчал. Я приготовилась повторить ответ, но он заговорил прежде:

— Чего вы от нее хотите, госпожа Вальтер?

— Ничего. Ни сейчас, ни впоследствии. И нового обязательства между нами нет.

— После трех месяцев отказов мне трудно принять это сразу, — произнес он. — Селия боится, что вы еще предъявите счет. Я хочу убедиться, что освобождение действи-

тельно окончательное.

Я посмотрела на сложенные в его руке перчатки. Несколько дней назад одно присутствие Мореля мешало мне дышать. Теперь мне впервые хватало сил заметить, что он ждет ответа и никуда меня не торопит.

— Госпожа Рен подтвердила это, барон. Я готова дать письменное подтверждение, если вашей сестре так будет спокойнее. От нее мне ничего не требуется. Прошлую обиду она вправе помнить столько, сколько сочтет нужным.

Морель открыл рот, начал: «Но прежде вы…» — и умолк. В просторной гостиной повисла пауза, нарушаемая лишь потрескиванием березовых поленьев в камине.

Он медленно расправил перчатки, которые успел смять в ладони.

— Встречное обязательство. Селия обмолвилась, что вы обещали хранить молчание.

— Обещала. Мое прежнее обязательство осталось в силе. Независимая заклинательница это проверила.

— О чем именно шла речь в той ссоре?

— Спросите у своей сестры, барон. Если она сочтет нужным поделиться с вами семейными тайнами своих подруг — это ее полное право. Я свои обещания держу.

Риан смотрел на меня так, словно видел впервые в жизни. Его взгляд задержался на моих руках и вернулся к лицу. Я выдержала паузу, хотя объяснить перемену одним приступом было трудно даже для человека, который не знал преж-

нюю Эвелин так хорошо, как он.

— Почему вы сделали это? — спросил он наконец. Голос утратил командную резкость, сделавшись сухим и по-настоящему озадаченным. — Три месяца вы наслаждались ее страхом. Что изменилось?

— Я перенесла остановку сердца, барон Морель, — ответила я, глядя ему прямо в зрачки. — В такие минуты начинаешь понимать, что некоторые долги обходятся владельцу слишком дорого. Мне больше не интересно тратить силы на то, чтобы держать людей в страхе с помощью чужих тайн. Полагаю, инцидент исчерпан?

Он постоял еще несколько секунд, глядя на меня, затем чуть опустил плечи. Я ждала нового вопроса. Его не последовало.

— Селия в безопасности, — произнес он скорее для себя, чем для меня. — Это главное. Благодарю за уделенное время, госпожа графиня.

Он отвесил поклон — на сей раз без прежней подчеркнутой сухости, чуть глубже и медленнее, чем при входе. Повернулся к дверям, сделал пару шагов, задержался у самого порога и оглянулся:

— Берегите здоровье, госпожа Вальтер. Зима в этом году обещает быть морозной.

Дверь закрылась за ним мягко, без стука.

Я перевела дух и позволила себе короткую, чуть усталую улыбку. Живой командир королевских гвардейцев оказался

куда сложнее книжного картонного рубаки. Он умел отступать перед фактами, умел сомневаться и искренне пекся о сестре.

Впервые после встречи с ним мне казалось возможным когда-нибудь поговорить спокойнее. Если, конечно, это будущее вообще наступит.

Утром восьмого декабря мы отправились осматривать Зимний сад.

Снаружи ударил легкий морозец, мостовые Вельмонта посеребрило инеем, и короткий переход из жилого крыла особняка через застекленную галерею заставил меня зябко повести плечами. Галерея была длинной, высокой, с полукруглыми сводами и выложенным серым песчаником полом.

Впереди мерно вышагивал Бреннер с толстой кожаной планшеткой, сверяясь с инвентарными описями. Рядом семенил старший садовник — коренастый старик в брезентовом фартуке с медными ножницами на поясе, непрерывно вздыхавший при взгляде на каждую трещину в штукатурке. Замыкал процессию Мартен — старший служитель дома, немолодой широкоплечий мужчина с невозмутимым лицом отставного сержанта и цепким хозяйским глазом.

— Главный корпус оранжереи возводился покойным графом десять лет назад, — бубнил Бреннер, не оборачиваясь. — Основное тепло дают печи; магические тепловые жилы под плитами помогают его удерживать, подпитка идет от на-

копителя в подвале. Затраты на обогрев в зимний период составляют до сорока лир в месяц, если держать температуру для тропических папоротников. Ваш батюшка средств не жалел, однако последние два года сад стоял закрытым.

Мартен тяжело толкнул массивную кованую дверь в конце галереи, и нас обдало волной густого, влажного тепла.

Воздух пах сырой землей, прогретыми древесными опилками, сладковатой смолой и цветущим жасмином. После уличного холода этот запах показался мне почти пьянящим.

Мы ступили под граненый стеклянный купол огромного зала. Пространство поражало размахом: по обе стороны широкой центральной аллеи вздымались раскидистые пальмы в кадушках из мореного дуба, переплетались плети дикого винограда, а вдоль стен тянулись террасы с цветущими камелиями и цитрусовыми деревьями. В глубине оранжереи, на возвышении из серого гранита, виднелась небольшая полукруглая сцена с резной балюстрадой, за которой начиналась крытая музыкальная галерея.

— Акустика здесь изумительная, — заметил Мартен, указывая широкой ладонью на стеклянный свод. — Граф Вальтер, бывало, приглашал квартет из столичной оперы. Звук идет чистый, купол держит эхо без гула. Гости сиживали вот здесь, у жасминовой куртины, человек до тридцати помещалось вполне просторно.

Я подошла к краю гранитного возвышения, оглядывая зал наметанным глазом театрального администратора.

Площадка была великолепной. Не безликий парадный зал для чинных приемов и не тесный салон, а готовое камерное пространство с естественными кулисами из зелени. Гостевой вход выходил на соседнюю тихую улицу через отдельный тамбур с гардеробом — посетителям вовсе не требовалось проходить через жилые покои графини. Служебный проход связывал сцену с боковым флигелем, где вполне можно было разместить буфет и комнату для артистов.

— Отопление работает стабильно? — повернулась я к садовнику.

— В этой части сада — как часы, госпожа графиня, — оживился старик. — Печи и тепловые чары проверены на прошлой неделе. Вот дальше, в зале ужинов и боковых теплицах, трубы промерзли, там штукатурка сыплется и стекла менять надо. А здесь хоть сейчас бал давай. Только дорожки подмести да листву сухую обобрать.

— Бал давать мы не будем, — отозвалась я, присаживаясь на край каменного парапета. Пальцы коснулись теплого гранита: подогрев действительно работал безупречно. — Господин Бреннер, сколько стоит наемный экипаж от театральной площади до нашего гостевого входа?

Управляющий моргнул, оторвавшись от записей:

— Сорок-пятьдесят грошей, госпожа графиня. Смотря по погоде.

— А билет на вечернее представление в столичную оперу?

— В ложу бельэтажа — около трех лир. В партер — пол-

торы. Простите, госпожа графиня, но к чему эти расчеты?

Я встала и прошлась по галерее, прикидывая расстояния шагами.

— К тому, господин Бреннер, что сидеть взаперти до весны и дрожать в ожидании королевской немилости я не намерена. В Вельмонте полно состоятельных людей, которым смертельно наскучили душные театральные ложи и официальные приемы во дворце. Мы откроем Зимний сад.

Бреннер застыл с поднятым карандашом, садовник тихо крякнул, а Мартен лишь невозмутимо повел бровью, словно слышал подобные распоряжения каждое утро перед завтраком.

— Откроете… для публики? — упавшим голосом переспросил управляющий. — Платные вечера в родовом гнезде Вальтеров? Госпожа графиня, дворянство не поймет… Двор сочтет это неподобающим…

— Двор может считать все, что ему заблагорассудится, пока я плачу городские подати и не нарушаю законов королевства, — отрезала я. — В столице есть десятки частных салонов, берущих плату за музыку и угощение. Наше преимущество — живые тропические цветы посреди декабря, прекрасная музыка и безупречный порядок. Мы начнем с малого. Никаких грандиозных торжеств на сотню гостей. Один музыкальный вечер в неделю. Двадцать пять, максимум тридцать человек по личным приглашениям хозяйки.

— По приглашениям… с платой за вход? — уточнил

Бреннер, в чьем взгляде профессиональный ужас перед светским скандалом начал медленно уступать место привычному бухгалтерскому расчету.

— Именно. Деньги подтверждают намерение послушать музыку, а приглашение отсекает случайную публику. Две лиры с персоны за вечер. В стоимость входит бокал легкого вина, фрукты и полуторачасовая программа. Мартен, гардероб у гостевого входа готов принять людей?

— Вешалки целы, сударыня, — степенно ответил служитель. — Печь в прихожей протопить загодя, чтоб шубы не стыли, да постелить сукна на ступени, дабы дамы подолы не пачкали. Человек тридцать примем без толкотни. Служебный выход к кухне свободен, лакеи с подносами гостям под ноги лезть не станут.

— Отлично, — я кивнула. — Возвращаемся в дом. Составим смету.

Полдня ушло на составление предварительного плана в малой столовой.

На широком столе были разложены образцы тканей для накидок прислуги, списки столовой посуды и длинные столбцы предполагаемых расходов. Нелла, призванная в качестве эксперта по нарядам, расцвела так, словно ей доверили подготовку королевской коронации.

— Платья для подавальщиц надобно шить из темно-зеленого сукна, госпожа графиня, — щебетала она, раскладывая

лоскутки. — Чтоб под цвет листьев подходили, но без кружев, чтоб за ветки не цеплялись. Я знаю двух мастериц на Нижней торговой, они за три дня управятся, ежели задаток дать. И передники белые, батистовые!

— Передники запишите, Нелла, — я улыбнулась ее энтузиазму. — Но фасон простой, без оборок. Девушкам придется носить тяжелые подносы между кадками, одежда должна быть удобной. Дополнительную работу над костюмами оплатим отдельно от обычной службы. Господин Бреннер, что по освещению?

Управляющий, уже с головой погрузившийся в расчеты, вывел на полях жирную цифру:

— Магические светильники в галерее требуют подзарядки кристаллов. Это обойдется примерно в шесть лир единовременно. Вино и легкие закуски на тридцать персон — около десяти лир. Оплата услуг наемных музыкантов… — он запнулся и поднял на меня тяжелый взгляд.

— Что с музыкантами?

— Зачем нанимать со стороны, госпожа графиня? — сухо произнес Бреннер. — В северном флигеле проживает господин Леон. Его содержание, включая инструмент и стол, обходится дому Вальтер в двадцать пять лир ежемесячно. По условиям его договора он выступает на ваших приемах по заранее согласованному расписанию.

Я нахмурилась, припоминая перечень личных обязательств из семейного архива.

Молодой одаренный музыкант Леон заключил соглашение на три года, из которых оставалось больше года. Он обязался выступать на приемах Эвелин по заранее согласованному расписанию и не принимать оплаченных выступлений у других покровителей без ее разрешения. Взамен она платила установленное жалованье, предоставляла помещение для занятий и оплачивала обслуживание инструмента. Условия она соблюдала, но, когда Леону предложили выгодное место, отказалась его отпустить. Об этом я прочла в приложенных к записи письмах.

Еще один человек, посаженный на цепь ради чужой прихоти.

— Нет, — твердо сказала я. — Леон играть на этих вечерах не будет. По крайней мере, не по старому договору.

Нелла испуганно замерла с рулоном ленты в руках, а Бреннер медленно положил перо:

— Госпожа графиня, вы платите ему немалые деньги. Инструмент содержится за ваш счет. Приглашать сторонних артистов при наличии связанного обязательством музыканта — неоправданная расточительность.

— Содержание мы ему обещали и до окончания договора обязаны оплачивать, — возразила я, поднимаясь из-за стола. — Но продолжать держать человека без права выбрать другую работу я не намерена. Подготовьте документы по соглашению с господином Леоном на завтрашнее утро. Мы снимем его обязательство, рассчитаемся и письменно подтвер-

дим, что претензий к дальнейшим выступлениям у нас нет.

— И отпустите его? — уточнил Бреннер, отложив перо.

— Выплатим заработанное до последнего гроша, отдадим инструмент и предоставим полную свободу. А через пару дней отправим отдельное предложение о разовом выступлении на открытии сада. Он волен даже не приходить его обсуждать. Предложим работу на общих основаниях, с достойным гонораром за вечер. Согласится — прекрасно. Откажется — найдем других.

Бреннер помолчал, глядя на ровные столбцы цифр в своей ведомости, затем аккуратно обмакнул перо в чернила и вывел новую строку:

— Снятие обременения с господина Леона. Расчет при увольнении — восемнадцать лир сорок грошей. Будет подготовлено к полудню, госпожа графиня.

Я подошла к окну столовой.

За стеклом быстро сгущалась декабрьская тьма. В оранжерее внизу сквозь стеклянный купол мягко просвечивали теплые отблески дежурных магических ламп, озаряя дремлющие кроны пальм. У меня появлялось настоящее, живое дело. Не интриги при дворе, не бессмысленная война за самовлюбленного принца, а театр — пусть крошечный, на тридцать зрителей, но созданный по моим собственным правилам.

Оставалось лишь сделать так, чтобы музыка в этом саду звучала по доброй воле тех, кто берет в руки смычок.

Завтра предстоял разговор с третьим узником графини Вальтер. И этот разговор обещал быть ничуть не проще свидания с бароном Морелем.

Глава 6

Северный флигель особняка пах канифолью, прогретым деревом и нотной бумагой.

Комната для занятий располагалась на втором этаже, под самой крышей, где звуки гамм не слишком тревожили обитателей дома. Здесь было тепло: высокая чугунная печь в углу ровно потрескивала, а у единственного стрельчатого окна стояло удобное кресло. На полках теснились нотные тетради с пожелтевшими от времени краями, на подоконнике остыла нетронутая чашка чая, а посреди комнаты, на деревянной полированной подставке, покоился инструмент.

Это была большая концертная виола сложной работы — с широкой декой из темного лакированного клена, тонкой гравировкой по обечайке и серебряными колками, тускло мерцавшими в сером свете декабрьского утра. Вещь стоила целое состояние. По счету, приложенному к договору, прежняя Эвелин выложила за нее три сотни лир. Хороший инструмент был частью покровительства, ради которого Леон согласился на исключительную службу.

Сам виртуоз стоял у пюпитра, нервно перебирая пальцами струны, и повернулся к нам с таким выражением, словно заранее готовился возражать.

Леону было около тридцати. Худощавый, с нервными тон-

кими пальцами и копной пепельных волос, падавших на бледный упрямый лоб, он кутался в добротный шерстяной сюртук с туго застегнутым воротом. Под глазами залегли темные круги — явный признак бессонных ночей за партитурами, — а тонкие губы были сжаты в презрительную складку.

— Госпожа графиня. — Он отвесил поклон столь резкий и небрежный, что полочки сюртука взметнулись. — Чем обязан чести? Если вы изволили явиться ради новой свадебной кантаты, то черновик на столе. Хотя его высочество вряд ли оценит фа-диез во второй части: при дворе нынче в моде мажорная бравура.

Агата Рен, вошедшая следом за мной в своем неизменном темном чепце, сухо кашлянула и прикрыла за собой дверь.

— Полно ерничать, господин Леон. — Я подошла к круглому столу у окна, где среди исписанных нотных листов сиротливо белела глиняная чернильница, и положила перед собой кожаную папку. — Присаживайтесь. Разговор будет коротким.

Музыкант настороженно прищурился, перевел взгляд с меня на Агату и остался стоять на месте, демонстративно скрестив руки на груди:

— Я постою, госпожа графиня. Стоя легче внимать барским прихотям. Каковы ваши новые распоряжения? Очередной закрытый вечер для скучающих кузин? Или мне приказано услаждать слух вашего венценосного жениха во время

утреннего чая?

В голосе звенела такая неприкрытая, выстраданная злость, что мне стало неловко за приготовленные спокойные слова. Полтора года Леон жил здесь на полном содержании, занимался на прекрасном инструменте и получал жалованье. Но, когда появилась возможность уехать к другому покровителю, хорошее соглашение обнаружило свою обратную сторону. Уйти по собственному выбору он не мог.

Я развязала тесемки папки и достала сложенный вдвое лист пергамента с текстом его клятвы:

— Напоминаю условия вашего соглашения. Срок — три года. Вы обязались выступать на моих приемах по заранее согласованному расписанию и не принимать оплаченных выступлений у других покровителей без моего разрешения. Я обязалась выплачивать установленное жалованье, предоставлять помещение для занятий и оплачивать обслуживание инструмента в течение всего срока службы. Все верно?

Леон горько усмехнулся:

— Верно. Память мне пока не изменяет, госпожа графиня. Осталось еще полтора года этой каторги. К чему повторять то, о чем мне ежедневно напоминает эта удавка на шее?

— К тому, что я готова освободить вас от этого обязательства, — спокойно отозвалась я и вынула второй документ, скрепленный моей личной печатью. — Здесь условия расчета и прекращения службы. Прочтите, пожалуйста.

Музыкант моргнул, его скрещенные на груди руки бес-

сильно опустились вдоль тела:

— Что… что вы сказали?

— Вы получите все заработанное и сможете забрать инструмент, — пояснила я. — От будущих выступлений и запрета принимать чужие заказы я вас освобождаю без каких-либо встречных услуг. Если после чтения останутся вопросы, госпожа Рен поможет их разобрать.

Он сделал шаг назад, упершись поясницей в угол пюпитра. На его подвижном, нервном лице отразилась такая дикая смесь недоверия, паники и подозрения, словно я только что предложила ему выпить стакан цикуты за здоровье королевской семьи.

— Это какая-то новая пытка? — хрипло спросил он, озираясь на Агату. — Вы хотите вынудить меня нарушить слово, чтобы потом передать дело городскому судье? Дядюшка Конрад нашептал вам, что меня можно сдать в арестный дом за неустойку?

— Вы вправе сначала прочитать оба документа, — вмешалась Агата, кладя на стол свои медные пластины. — Я независимый заклинатель коллегии и могу проверить, какое обязательство будет снято. Новой клятвы здесь нет. Торопиться не требуется.

Леон подошел к столу, прочел оба листа и задержался на строке об инструменте. Перечитал ее, проверил сумму расчета, затем поставил подпись под соглашением о прекращении службы. Только после этого он кивнул Агате и положил

ладонь на стол. Пальцы музыканта были холодными как лед.

Я накрыла его руку своей.

Знакомое сплетение отозвалось под ребрами резким, натянутым дребезжанием, похожим на звук басовой струны. Я различила серебряную нить своего встречного обещания и серое волокно его обязательства. Их смысл мы только что сверили по тексту; сама связь не рассказывала ни о пережитых ссорах, ни о причинах его злости.

— Дышите ровнее, — шепнула я, прикрывая глаза.

Урок Агаты вспомнился сам собой. Без резких движений я начала распускать узел, удерживавший серую нить Леона. Он подался неохотно, отозвался холодным покалыванием в пальцах, затем истончился. Серое волокно дрогнуло и исчезло. Собственное обещание я не трогала; окончание службы и полный расчет мы оговорили отдельно, в подписанном соглашении.

Леон судорожно охнул, согнулся пополам и ухватился свободной рукой за ворот сюртука, жадно хватая ртом воздух комнаты. Лицо его покрылось красными пятнами, в глазах блеснули злые, звенящие слезы.

— Свободен, — констатировала Агата, забирая медный диск со стола. — Обязательство Леона снято без остаточного следа.

Я придвинула к согнувшемуся музыканту вторую бумагу и тяжелый кожаный кошель, звякнувший медью и серебром:

— Все заработанное к сегодняшнему дню, по условиям

вашего жалованья. Восемнадцать лир сорок грошей, до последнего медного гроша по ведомости господина Бреннера. Ваша копия соглашения о прекращении службы и мое письменное подтверждение, что претензий к вашим дальнейшим выступлениям у меня нет. Вы можете покинуть особняк в любую минуту.

Леон медленно выпрямился, не отрывая взгляда от серебряных монет, рассыпавшихся по пергаменту. Его губы дрожали, пальцы судорожно сжимались и разжимались.

— А инструмент? — сдавленно спросил он, кивнув на темную виолу. — Вы отберете инструмент?

— Забирайте. — Я поднялась из-за стола, чувствуя привычную тянущую слабость в пояснице после магической работы. — Инструмент заказывался под вашу руку. В чужих руках он будет просто куском дорогого лакированного дерева. Забирайте ноты, вещи и уходите.

Он посмотрел на меня, затем снова на документы. Провел пальцем по строке о свободе дальнейших выступлений и убрал свой экземпляр во внутренний карман. Я ждала, не попросит ли он что-нибудь уточнить.

— Почему? — вырвалось у него глухо и хрипло. — Вы полгода отказывали моим просителям. Вы смеялись мне в лицо, когда я умолял отпустить меня к герцогу…

— Потому что люди имеют обыкновение делать глупости, господин Леон, — устало отозвалась я, кутаясь в накидку. — А потом наступает утро, когда за эти глупости становится

стыдно. Прощайте.

Я повернулась к выходу, жестом приглашая Агату следовать за мной. Уже у самой двери я услышала за спиной торопливый шелест сгребаемых со стола монет и дрожащий, прерывистый выдох человека, который все еще не верил, что тюремные ворота распахнулись настежь.

О проекте Зимнего сада я не сказала ни единого слова. Предлагать работу человеку в ту самую секунду, когда с него сняли ошейник, было бы верхом лицемерия.

Свобода должна была отстояться. Хотя бы пару дней.

Десятого декабря город встретил нас звонким, сухим морозцем и запахом печного дыма, стелившимся над черепичными крышами Вельмонта.

Для выезда в город я выбрала закрытый наемный экипаж — добротную городскую карету на высоких рессорах, обитую внутри простым серым сукном. Фамильный дормез с гербами Вальтеров остался в каретном сарае: привлекать внимание зевак на торговых улицах мне совершенно не улыбалось. Сопровождала меня Нелла, наряженная в теплый плюшевый салоп и круглую шапочку, из-под которой с неистребимым любопытством поблескивали карие глаза.

Дорога от аристократического Верхнего берега до ремесленных кварталов заняла около двадцати минут. Чем ближе мы подъезжали к реке, тем оживленнее становились улицы: громыхали тяжелые телеги с дровами, мальчишки-разносчи-

ки выкрикивали названия утренних газет, а над лавками покачивались кованые вывески портных, красильщиков и оптиков.

Вельмонт жил своей деловой, суетливой жизнью, в которой никому не было дела до сердечных припадков богатых графинь.

— Мастерская господина Тиссо вон за тем поворотом, госпожа графиня, — щебетала Нелла, прижимая к груди кожаный саквояж с образцами тканей. — Он лучший драпировщик в Нижнем городе, для королевского театра все кулисы обшивает! Правда, цены ломит безбожно, но ежели поторговаться да пригрозить гильдейским уставом…

— Торговаться мы будем исключительно в рамках приличий, Нелла, — умерила я ее пыл, поправляя меховую муфту. — Нам нужно качество, а не скандал с гильдией.

Мастерская Тиссо располагалась в полуподвале массивного каменного дома и встретила нас оглушительным сочетанием запахов: здесь пахло горячим столярным клеем, сырой шерстью, растительным воском и озоном от магических сушильных ламп. Вдоль длинных верстаков сновали подмастерья в парусиновых фартуках, в воздухе летали невесомые хлопья белой хлопковой пыли, а у дальней стены на высоких стеллажах громоздились рулоны сукна, бархата и тяжелого репса.

Сам хозяин — низкорослый вертлявый месье с костяной мерной линейкой за поясом — вылетел к нам и поклонился.

Его опытный купеческий глаз мгновенно оценил и соболий мех моей накидки, и простоту фасона.

— Сударыня желает обновить меблировку к праздникам? — запел он, потирая пухлые ладони. — Имеем тончайший привозной шелк, заморский бархат, портьерные ткани с огнеупорной пропиткой по новому патенту столичной управы!

— Мне требуется ткань для драпировки музыкальной галереи. — Я подошла к стеллажу, придирчиво щупая край плотного темно-зеленого сукна. — И ткань на форму служителей. Нелла принесла размеры и список комплектов. Ткань должна быть немаркой, плотной, не собирающей пыль от растений и способной держать форму без бесконечной глажки.

Тиссо на мгновение задумался, прикинул что-то на пальцах и извлек из нижнего ящика рулон шерстяной ткани густого хвойного оттенка:

— Плотная камвольная шерсть с добавлением крученой льняной нити, сударыня. Сносу нет, влаги не боится, от печного жара не коробится. Двадцать лир за рулон. По вашим размерам потребуется три рулона. Итого шестьдесят лир чистого серебра.

— Сорок пять, господин Тиссо, — не моргнув глазом заявила я, вспоминая свои театральные баталии со снабженцами. — Плюс отделка швов тесьмой за ваш счет. И готовность к исходу пятницы.

Мастер всплеснул руками, изображая смертельную обиду:

— Побойтесь создателя, госпожа! За сорок пять лир я пущу по миру семерых детей! Магические сушилки берут по две лиры за смену кристаллов, а подмастерья нынче требуют горячего супа трижды в день!

— Пятьдесят, — отрезала я. — Половина суммы звонкой монетой прямо сейчас, вторая половина — в пятницу при доставке в особняк Вальтер. За каждые полные сутки просрочки — по лире неустойки. Запишите это в заказ.

Услышав фамилию Вальтер, Тиссо мгновенно подобрался, сглотнул и смерил меня совершенно иным взглядом. Прозвище Паучихи, судя по всему, докатилось и до ремесленных кварталов.

— Графиня Вальтер… — пробормотал он, торопливо поправляя линейку за поясом. — Прошу прощения, госпожа графиня, не признал в дорожном платье. Разумеется, пятьдесят лир. В пятницу к полудню все будет доставлено в лучшем виде.

Пока Нелла с упоением профессионального костюмера спорила с закройщиком о ширине подолов и необходимости глубоких внутренних карманов на фартуках («Чтоб штопор и чистые салфетки под рукой были, дурья твоя башка, а не на подносе звенели!»), я отошла к дальнему концу прилавка.

Там, на специальной бархатной подушке, лежал отрез тончайшей шерсти цвета утренней зари — нежно-пепельный, с неуловимым розоватым отливом, мягкий на ощупь, как лебяжий пух. Пальцы сами потянулись к ткани. В прошлой

жизни я годами ходила в практичных черных брюках и безликих свитерах, потому что директор театра должен в любую секунду лезть под сцену за упавшим кабелем. Но графиня Вальтер могла позволить себе роскошь быть красивой просто так, ради собственного удовольствия.

— Отмерьте на платье, — негромко бросила я подошедшему хозяину. — Это в отдельный счет, для моего личного портного.

Тиссо расплылся в масляной улыбке, почуяв легкую добычу:

— Двенадцать лир, госпожа графиня. Тончайшая привозная шерсть, сама герцогиня на прошлой неделе присматривалась!

Я расплатилась из личного кошелька, чувствуя детскую, почти хулиганскую радость от этой совершенно непрактичной покупки. Деньги, оказывается, приносили массу удовольствия, когда их не нужно было вымаливать у городского департамента культуры.

Перед самым отъездом я не удержалась и завела разговор о музыкантах.

— Скажите, Тиссо, вам случайно не доводилось слышать о хороших инструменталистах в здешних краях? Мне требуется струнный квартет или хотя бы толковый солист на один-два вечера.

Драпировщик уныло развел руками:

— Беда нынче с музыкой, госпожа графиня. К праздни-

кам все приличные артисты расписаны по дворянским домам до середины января. Разве что в трактире «У медного кубка» поспрашивать — там по вечерам играет беглый скрипач из провинциальной капеллы, господин Вернье. Играет чисто, но характер шероховатый, да и инструмент у него… фанерный, прости господи. Для благородного собрания едва ли сгодится.

Я мысленно сделала зарубку на память: если Леон упрется рогом, придется слушать фанерного Вернье. Перспектива так себе, но лучше иметь запасной вариант, чем остаться с тишиной под куполом.

Домой мы вернулись к трем часам пополудни.

Бреннер встретил меня в вестибюле с гроссбухом под мышкой и, едва взглянув на свертки в руках слуг, с порога поинтересовался судьбой казенных денег.

— Драпировки обошлись в пятьдесят лир, господин Бреннер. — Я скинула муфту на руки Нелле. — С доставкой в пятницу.

— Приемлемо, — сухо констатировал управляющий, делая пометку карандашом. — Однако двенадцать лир за отрез шерсти…

— Пошли из моего личного кармана, — перебила я, поднимаясь по лестнице. — Не вздумайте вносить их в смету Зимнего сада. Учитесь разделять капризы хозяйки и расходы предприятия, господин Бреннер.

Управляющий замер на ступеньках, моргнул поверх очков

и едва заметно склонил голову:

— Весьма похвальная предусмотрительность, госпожа графиня. К слову… господин Леон покинул северный флигель вчера после вашего визита. Забрал инструмент, ноты и сундук с бельем. Наемный фургон увез его в сторону гостиницы «Белый лебедь» на набережной.

Я остановилась на площадке второго этажа, глядя на пустые окна северного крыла.

Ушел. Не стал ждать, не последует ли за освобождением какое-нибудь предложение. Собрал пожитки и хлопнул дверью при первой же возможности.

Значит, записку придется посылать в гостиницу. И быть готовой к отказу.

— Подготовьте курьера на завтрашнее утро, господин Бреннер, — распорядилась я. — Напишем господину виртуозу деловое предложение.

Одиннадцатого декабря в полдень господин Леон переступил порог деловой гостиной особняка Вальтер.

Он явился в том же шерстяном сюртуке, но теперь на шее красовался свежий, тщательно выглаженный шейный платок, а подбородок был гладко выбрит. Под мышкой музыкант бережно прижимал футляр с нотами. Держался он подчеркнуто прямо, с той колючей, настороженной гордостью человека, который готов в любую секунду развернуться и уйти, если ему покажется, что над ним вздумали насмехаться.

Бреннер чинно устроился за боковым столиком с чернильницей и бланками разовых соглашений, изображая олицетворение финансовой строгости.

— Присаживайтесь, господин Леон. — Я указала на кресло напротив своего стола. — Благодарю, что откликнулись на записку.

Музыкант сел, положив футляр на колени и не выпуская ручки из пальцев:

— Ваше послание было на редкость лаконичным, госпожа графиня. «Деловое предложение на коммерческих условиях». Признаться, я счел это шуткой. Разве у Паучихи Вальтер бывают коммерческие предложения к бывшим крепостным?

Бреннер за столом возмущенно скрипнул пером, но я лишь повела бровью, пресекая благородное негодование управляющего.

— Бывают, когда речь идет о профессиональной работе. Пятнадцатого декабря я открываю Зимний сад для публики. Камерный музыкальный вечер. Тридцать гостей, легкое вино, пальмы и цветы посреди зимы. Мне нужно сольное выступление на полтора часа с небольшим антрактом.

Леон прищурился, в его серых глазах вспыхнул искренний интерес музыканта, немедленно придавленный застарелым скепсисом:

— Открытие сада? Публичные платные вечера в вашем особняке? Вы шутите.

— Я говорю совершенно серьезно. Программа должна соответствовать обстановке. Никаких трактирных куплетов, но и без заунывной придворной тягомотины. Мне нужна живая, виртуозная музыка. Судя по предложениям, которые вам делали, вы умеете заинтересовать взыскательную публику, Леон.

Лесть была грубой, но попала точно в цель. Худые щеки музыканта слегка порозовели, пальцы на футляре расслабились:

— Допустим. И какой гонорар вы предлагаете за одно выступление?

— Три лиры за вечер, — подал голос Бреннер от конторки, не поднимая головы от бумаг. — Обычная ставка солиста в дворянском собрании — две лиры пятьдесят грошей.

— Пять, — не моргнув глазом заявил Леон, глядя прямо на меня. — Пять лир чистым серебром, отдельная теплая комната для настройки инструмента за час до начала и полное невмешательство в выбор репертуара.

Управляющий поперхнулся воздухом и выронил перо:

— Пять лир за полтора часа игры?! Да за эти деньги можно нанять духовой оркестр городского гарнизона вместе с полковыми барабанщиками!

— Нанимайте оркестр, господин Бреннер, — холодно парировал музыкант, поднимаясь с кресла. — Пусть ваши гости слушают полковые трубы среди цветущего жасмина. А я ценю свое мастерство и свободное время. Честь имею.

Он уже взялся за спинку стула, собираясь уйти, но я спокойно подняла руку:

— Четыре лиры, Леон.

Он замер, обернувшись через плечо.

— Четыре лиры серебром, — повторила я, глядя ему в глаза. — Комната для настройки в боковом флигеле с растопленной печью и горячим чаем. Но общий характер программы обсудим заранее. Начало спокойнее, затем что-нибудь быстрое и виртуозное, чтобы гости уходили с легким сердцем. Конкретные пьесы предложите вы. Согласны?

Леон медленно опустился обратно в кресло. Он уже смотрел на меня внимательнее, хотя футляр по-прежнему держал на коленях. Четыре лиры за один вечер были хорошим заработком, а возможность самому составить программу явно стоила отдельного обсуждения.

— Три пьесы из второй части я выберу сам, — настойчиво проговорил он, подаваясь вперед. — Сонаты провинциальных мастеров. Их мало кто знает при дворе, они дерзкие, быстрые, с неожиданными синкопами. Если вы хотите удивить гостей — это именно то, что нужно.

Я улыбнулась — широко и открыто, впервые почувствовав себя в своей тарелке. Знакомый до боли спор директора с капризным премьером о составе концертного отделения.

— По рукам, Леон. Покажите ноты господину Бреннеру. Пробная репетиция в саду — двенадцатого декабря в два часа пополудни. Инструмент должен звучать идеально под ку-

полом.

Бреннер вздохнул с тяжелым смирением человека, наблюдающего за крушением вековых устоев экономии, обмакнул перо и пододвинул Леону стандартный бланк разового подряда:

— Распишитесь вот здесь, господин виртуоз. Выплата гонорара производится на следующее утро после завершения выступления при отсутствии нареканий по трезвости и пунктуальности.

Леон размашисто черкнул свое имя внизу листа, поднялся и впервые за все время нашего знакомства отвесил поклон — не холодно-издевательский, а вполне уважительный, как коллега по цеху коллеге:

— Благодарю за доверие, госпожа графиня. До двенадцатого. Я заставлю ваш стеклянный купол петь.

Когда за ним закрылась дверь, в гостиной стало тихо. Управляющий сделал последние пометки и аккуратно подшил договор в папку.

— Четыре лиры… — пробормотал Бреннер себе под нос, покачивая головой. — Плюс светильники, плюс угощение, плюс драпировки… Наш чистый доход с тридцати билетов составит от силы двадцать лир, если все места будут выкуплены.

— Мы создаем репутацию, господин Бреннер. — Я подошла к окну, за которым синели ранние зимние сумерки. — А репутация стоит гораздо дороже четырех лир серебром.

Подготовьте список первых тридцати приглашений на завтра. Пора звать гостей.

За спиной согласно шелестела гербовая бумага.

Первый акт нашей пьесы был готов к постановке. И на сей раз актеры выходили на сцену по собственной воле.

Глава 7

Пробный прогон в галерее двенадцатого декабря наглядно показал, как легко самая стройная директорская схема разбивается о человеческую анатомию и расстановку мебели.

С утра в Зимнем саду царила суета. Мартен с двумя младшими служителями расставлял круглые чайные столики и стулья с плетеными спинками, привезенные накануне из закрытого флигеля. Садовник придирчиво обрезал пожелтевшие листья у жасминовой куртины, а из кухни, до которой вел узкий крытый коридор, доносились аппетитные запахи корицы, ванили и подрумянивающегося слоеного теста.

Пока зал оставался пустым, все выглядело безупречно. Но стоило слугам занять стулья, изображая гостей, как пространство сжалось.

— Господин Бреннер, остановитесь. — Я подняла руку, стоя на краю гранитной площадки у сцены. — Мартен, сделайте два шага от боковой двери к столику номер три.

Мартен, державший на вытянутых руках пустой серебряный поднос, шагнул вперед и тут же намертво уперся плечом в спинку стула, на котором с постной миной сидел младший садовый рабочий. Поднос опасно накренился над головой парня.

— Замечательно, — констатировала я, спускаясь по ступеням. — Настоящий официант с полным чайником кипятка в этот момент либо снес бы гостю парик, либо выплеснул заварку ему за воротник. Между столиками у левой стены едва хватает места, чтобы пройти боком.

— По плану вашего батюшки здесь помещалось сорок персон, — заметил Бреннер, сверяясь со своим неизменным планшетом. На управляющем сегодня были нарукавники, предохранявшие сукно сюртука от пыли, а за ухом торчал заточенный карандаш.

— Сорок персон здесь поместятся, если убрать столики и оставить гостей стоять с бокалами, — парировала я. — У нас люди будут сидеть полтора часа. Им нужно пространство для локтей, возможность откинуться на спинку и не вздрагивать каждый раз, когда мимо проносят тарелку с пирожными. Уберите два столика у входа.

— Это уменьшит число мест до двадцати шести, госпожа графиня! — управляющий помрачнел, делая вычерк в ведомости. — Минус восемь лир сбора.

— Лучше недосчитаться восьми лир, чем получить скандал на первом же вечере из-за опрокинутого на шелковое платье соуса. Мартен, покажите оба выхода.

Старший служитель опустил поднос и указал широкой ладонью сначала на центральную застекленную дверь, ведшую через короткий тамбур к гостевому крыльцу, а затем на малозаметную створку в дальнем конце музыкальной галереи:

— Главный вход открывается наружу, на широкое крыльцо, выходящее на тихую улицу. Ступени пологие, вчера посыпали мелким речным песком против наледи. Запасной проход — вот здесь, за пальмовой кадкой. Ведет в закрытый боковой проезд, откуда прежде выкатывали бочки с водой для полива. Замки смазаны, задвижка ходит легко. Ежели возникнет нужда быстро выпустить публику — откроем обе створки за полминуты.

Я подошла к запасному выходу, толкнула тяжелое дерево. Створка отодвинулась без малейшего скрипа, впуская струю морозного уличного воздуха, пахнущего снегом. Сквозной проход оставался абсолютно свободным: ни ящиков, ни запасных стульев, ни свернутых ковров. Театральная привычка проверять пожарные выходы перед каждым спектаклем въелась мне под кожу намертво, и видеть здесь армейский порядок Мартена было истинным наслаждением.

В этот момент за балюстрадой сцены раздался глубокий, густой звук струны.

Леон сидел на деревянном табурете у пюпитра, бережно прижимая к плечу свою темную виолу. Он настроил нижнюю струну, провел смычком длинную, щемяще-чистую ноту, и звук, подхваченный стеклянным куполом, плавно покатился под сводами, отдаваясь мягким бархатным эхом в кронах пальм.

— Акустика прекрасная, — не оборачиваясь, бросил музыкант. Подбородок его был гордо вскинут, глаза прикрыты.

— Но если вы оставите эту кадку с фикусом прямо перед сценой, половина обертонов во втором регистре утонет в ее лопухах. Растение глушит деку.

Садовник возмущенно запыхтел, но я опередила его:

— Отодвиньте фикус на три шага вправо, за колонну. Музыка важнее листьев. Леон, сыграйте переход из второй части.

Он тронул струны, и под куполом зазвучала быстрая, упругая тема — с теми самыми синкопами, о которых он говорил вчера. Мелодия дышала свежестью, ветром и легким озорством, совершенно не вписываясь в тяжеловесные каноны придворной музыки.

— Госпожа графиня! — раздался от галереи гулкий, самодовольный голос, заставивший смычок Леона сорваться с противным визгом.

В оранжерею неторопливо шествовал дядюшка Конрад.

На нем была тяжелая бобровая шуба нараспашку, открывавшая бархатный жилет цвета перезрелой брусники, а в руке он покачивал трость с золотым набалдашником в виде кабаньей головы. Маленькие цепкие глазки родственника мгновенно обежали расставленные столики, пустые чашки и музыканта на сцене.

— Какая трогательная суета, — прогудел он, подходя ближе и даже не думая снимать бобровую шапку. — Весь Нижний город только и говорит, что о сумасбродстве племянницы покойного Вальтера. Эвелин, дитя мое, я счел своим се-

мейным долгом лично взглянуть на это… торжище.

Леон на сцене демонстративно отложил смычок и принялся с преувеличенным вниманием протирать гриф шелковой тряпицей. Бреннер застыл у конторки, натянув непроницаемую мину образцового чиновника.

— Добрый день, дядя. — Я осталась стоять у края помоста, не делая ни шага навстречу. — Если вы пришли по делам зимнего торгового расчета, то господин Бреннер готов принять копии документов в конторе.

Конрад поморщился, махнув пухлой рукой в лайковой перчатке:

— Оставь эти канцелярские формальности, девочка. Я прибыл предостеречь тебя от непоправимой ошибки. До меня дошли слухи о программе твоего… вечера. Какие-то сомнительные провинциальные мотивы, вольные пассажи… Ты забываешься! Его высочество принц Адриан питает пристрастие к строгим торжественным маршам и старинным гимнам во славу короны. Если ты желаешь загладить свою недавнюю холодность и вернуть расположение жениха, программа должна открываться одой королевскому дому! Я даже привез с собой партитуру придворного капельмейстера…

Он полез во внутренний карман шубы, извлекая перевязанный золотым шнурком свиток, но я даже не протянула руки.

— Спрячьте партитуру обратно, дядя.

Конрад замер с протянутым свитком, его гладкие щеки

начали медленно наливаться густым вишневым румянцем:

— Что значит — спрячьте? Ты отвергаешь музыку, одобренную самим двором?

— Я устраиваю вечер в собственном саду и по собственному вкусу, — отчеканила я, глядя ему прямо в переносицу. — Те, кто желает слушать торжественные марши во славу короны, отправляются на плац или в тронную залу дворца. Мои гости платят за уют, редкие цветы и виртуозную игру солиста. Менять программу в угоду чьим-то придворным вкусам я не стану. Ни ради принца, ни ради вас.

За моей спиной послышался короткий, сдавленный смешок Леона. Музыкант тут же закашлялся в кулак, но в его глазах вспыхнуло столь откровенное, мальчишеское торжество, что Конрад побагровел окончательно.

— Ты пожалеешь об этом упрямстве, Эвелин! — прошипел дядюшка, пряча свиток обратно под шубу. — Принц не станет терпеть подобного пренебрежения! Когда казна закроет перед тобой двери, не приходи ко мне плакаться в жилет!

— Не приду, дядя. Сквозняки из открытых дверей вредны для связок господина Леона, поэтому Мартен сейчас проводит вас до выхода. Всего доброго.

Мартен шагнул вперед с такой внушительной готовностью исполнить хозяйское поручение, что Конрад лишь гневно сопнул носом, круто развернулся на каблуках и зашагал к выходу, сердито стуча тростью по гранитным плитам.

Едва кованая дверь за ним захлопнулась, Леон снова взял смычок:

— Знаете, госпожа графиня… Пожалуй, в финале первой части я добавлю двойное пиццикато. Под этим куполом оно прозвучит чертовски дерзко.

— Добавьте, Леон, — улыбнулась я. — Только фикус после выступления не требуйте убрать совсем.

Тринадцатого декабря, едва рассеялся утренний туман, в особняк Вальтеров пожаловала тяжелая артиллерия столичного общества.

Леди Одри Брокхорст было пятьдесят шесть лет, и она обладала состоянием, достаточным для того, чтобы плевать на мнение малого королевского совета, и любопытством, способным пробить гранитную стену крепости. Овдовев лет десять назад, она не удалилась в траурное уединение, а превратила свою гостиную в главный перевалочный пункт столичных новостей, сплетен и политических интриг.

Она вошла в малую гостиную сама, без доклада опешившей Неллы, шурша тяжелым тафтяным платьем цвета спелой сливы. Высокую седую прическу вдовы венчала крошечная бархатная наколка с жемчужной булавкой, а в руке она держала черепаховый лорнет на золотой цепочке.

— Эвелин, душенька, сидите, ради всего святого, не вскакивайте, — заговорила она густым, грудным контральто, царственно опустившись в кресло напротив меня. — Я при-

ехала без церемоний, потому что в моем возрасте тратить время на политес — непозволительная роскошь. Весь город гудит, как потревоженный пчелиный улей! Паучиха Вальтер продает билеты в отцовские теплицы по две лиры за штуку! Одни говорят, что вы разорились на карточных долгах покойного графа, другие — что вы окончательно повредились в уме после чахотки и решили основать собственный театр комедиантов. Я решила приехать и выяснить правду лично.

Я спокойно отставила чашку с кофе и посмотрела на гостью с легкой улыбкой:

— Слухи, как всегда, страдают отсутствием воображения, леди Одри. Я не разорилась и вполне здорова. А Зимний сад действительно открывается послезавтра для двадцати шести ценителей хорошей музыки и редких растений.

— За деньги? — вдова вскинула лорнет к глазам, придирчиво разглядывая мое строгое шерстяное платье.

— За две лиры с персоны. Вход исключительно по именным приглашениям хозяйки.

— Какая восхитительная наглость! — искренне восхитилась старуха, опустив лорнет. — Заставить столичных снобов платить за то, чтобы переступить порог частного дома! Мой покойный супруг говаривал, что лучшая коммерция всегда балансирует на грани уголовного кодекса и светского скандала. Покажите мне этот вертеп.

Мы прошли в сад. Леди Одри шествовала по аллее медленно, оценивающе оглядывая каждую деталь: коснулась

перчаткой ствола мандаринового дерева, прищурилась на стеклянный купол, проверила устойчивость плетеного кресла и наконец остановилась перед гранитным возвышением сцены.

— Чисто. Тепло. Не дует, — вынесла она вердикт, постукивая веером по ладони. — Идея с камерным форматом недурна, признаю. На больших приемах у герцога вечно приходится два часа выслушивать жалобы престарелых сенаторов на подагру, прежде чем доберешься до буфета. Сколько мест вы приготовили для меня?

— Одно, леди Одри. Именное приглашение уже подписано.

Вдова удивленно вскинула густые, подкрашенные брови:

— Одно? Душенька, вы шутите. Мне требуется как минимум четыре! Моя кузина баронесса Клеман, маркиз де Вальмон и этот очаровательный молодой секретарь из иностранного посольства…

— Исключено, — мягко, но непреклонно возразила я. — Количество мест строго ограничено вместимостью готовой части галереи. Никаких приставных стульев. Каждый гость получает персональное приглашение от моего имени и оплачивает его лично при входе. Никаких свит, кузин и секретарей по доверенности.

Леди Одри прищурилась, и в ее глазах блеснул опасный огонек светской хищницы, привыкшей продавливать свою волю в любых гостиных:

— Эвелин, вы забываетесь. Половина столицы оглядывается на мой выбор. Если я приеду одна и останусь недовольна обществом, ваш прелестный садик опустеет раньше, чем отцветут эти жасмины.

— Если вам не понравится музыка господина Леона, я верну вам две лиры прямо на выходе, — парировала я, глядя ей в глаза. — А если вы откажетесь приехать вовсе — ваше место с удовольствием займет граф де Моне, который прислал курьера с просьбой о бронировании еще вчера утром.

Старуха замерла. Несколько секунд мы мерились взглядами: опытная интриганка трех королевских царствований и бывший директор независимого театра с шестилетним стажем общения с городскими чиновниками.

Внезапно леди Одри запрокинула голову и звучно, раскатисто расхохоталась:

— Создатель милосердный, а Конрад уверял, будто болезнь сломила твою спесь! Да ты стала втрое несноснее, девочка! Прекрасно. Одно место так одно. Но посадите меня в центре, подальше от сквозняков и на приличном расстоянии от этой глупой гусыни графини Роше. Не выношу ее мускусных духов, от них у меня начинается мигрень.

Она достала из ридикюля сложенный вчетверо листок и принялась диктовать список:

— Рядом со мной не должно быть старика Дюваля — он глух как пень и переспрашивает каждое слово на форте. Не сажайте барона Кранца — этот солдафон непременно начнет

обсуждать цену овса в западных провинциях. И ни в коем случае не подпускайте ко мне вдову сенатора Мартена!

Я молча подвела гостью к столику, на котором лежала нарисованная Бреннером подробная схема рассадки с номерами стульев:

— Прошу вас, леди Одри. Выберите сами подходящее место.

Вдова взяла карандаш, придирчиво склонилась над схемой, вычеркнула соседство с Роше, отсекла столики у входа из-за мнимого сквозняка, забраковала места у колонн, закрывавших вид на сцену, и решительно вычеркнула второй ряд, заявив, что сидеть позади кого бы то ни было ниже ее достоинства.

Через пять минут вдохновенной дипломатической зачистки на чертеже остался ровно один свободный стул.

Он стоял на самом краю помоста, вплотную к огромной дубовой кадке с раскидистым лавром, чей темный ствол полностью скрывал сидящего от центрального прохода. Буквально за десять минут до этого леди Одри назвала этот угол «местом для наказанных воспитанниц монастырского пансиона».

Вдова моргнула, уставившись на кончик своего карандаша, замерший над злополучной кадкой, перевела взгляд на меня и невозмутимо изрекла:

— Лавр очищает воздух и способствует концентрации мысли. Истинная дипломатия всегда требует умения по-

жертвовать суетным блеском ради душевного покоя. Запишите меня на семнадцатое место, Эвелин. И позаботьтесь, чтобы вино было сухим.

— Непременно, леди Одри. — Я едва сдержала улыбку, делая пометку на полях схемы.

Провожая гостью к экипажу, я вспомнила об оставшейся стопке карточек. В общем списке приглашений отдельно значились два имени, не дававшие мне покоя все эти дни.

Селия Морель. И ее брат, барон Риан Морель.

После памятного визита командира гвардейцев я долго колебалась. Селия была свободна, но ее рана оставалась слишком свежей, чтобы ждать от нее светской любезности. И все же я велела отправить два раздельных приглашения по адресу их городского дома — без пометок, без намеков на прошлые разговоры, обычной курьерской почтой.

Ответ пришел через час после отъезда леди Одри.

Селия прислала короткую вежливую записку с отказом: благодарила за внимание, но ссылалась на необходимость завершить дела перед отъездом в загородное имение. Ожидаемо, честно и без фальшивого притворства.

А вот ответ Риана Мореля заставил меня замереть посреди вестибюля.

На плотной карточке с лаконичной баронской короной четким, прямым офицерским почерком было выведено всего несколько слов:

«Барон Риан Морель имеет честь принять приглашение

госпожи графини Вальтер на вечер пятнадцатого декабря. Плата за вход будет внесена при прибытии согласно установленным правилам дома».

Ни слова о сестре. Ни единого упоминания королевской службы. Он принимал приглашение от собственного имени. Зачем ему понадобилось смотреть на мою затею, оставалось гадать. По крайней мере, нового разговора о сестре карточка не обещала.

Я перечитала карточку дважды, аккуратно убрала ее в карман платья и почувствовала, как внутри привычно подбираются все нервы перед сложной премьерой.

Зритель в первом ряду обещал быть на редкость взыскательным.

Четырнадцатого декабря суета в доме достигла того предела, за которым нормальный администратор либо срывает голос, либо запирается в кабинете с графином воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.